АННА КЭТРИН ГРИН

ТАЙНА ДОМА МУРОВ

18+

Анна Грин

Тайна дома Муров

«Автор»
2026

Грин А.

Тайна дома Муров / А. Грин — «Автор», 2026

Вероника Мур решает венчаться в родовом особняке, который годами стоял запертым. Пока гости ждут невесту, в библиотеке находят мёртвого незнакомца. Вскоре в том же доме погибает сама Вероника. Полиция склоняется к самоубийству, но молодой сыщик замечает, что кто-то мог остаться в библиотеке после выстрела. Что связывает две смерти и почему близкие Вероники убеждены, что им лучше молчать?Полный русский перевод с английского с иллюстрациями

© Грин А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Оглавление 5
Запретная комната 6
I. «Дом Муров? Вы говорите о доме Муров?» 6
II. Я вхожу 9
III. Я остаюсь 14
IV. Подпись: Вероника 21
V. Хозяин и пёс 26
VI. Толки 30
VII. Хитрый ход 37
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Анна Грин
Тайна дома Муров

Оглавление

Запретная комната

I. «Дом Муров? Вы говорите о доме Муров?»
II. Я вхожу
III. Я остаюсь
IV. Подпись: Вероника
V. Хозяин и пёс
VI. Толки
VII. Хитрый ход
VIII. Уловка похитрее
IX. Джинни
X. Фрэнсис Джеффри

Закон и его жертва

XI. Подробности
XII. Выпад и защита
XIII. Выпад за выпадом
XIV. «Толмен! Позовите Толмена!»
XV. Белый бант и розовый
XVI. Себялюбец чистейшей воды
XVII. Снова за дело
XVIII. В траве

Роковой дом

XIX. В Тампе
XX. «Полковничья»
XXI. В самой сердцевине загадки
XXII. Конец нити
XXIII. Слова в ночи
XXIV. Игра на любопытстве
XXV. Кто скажет человеку в той комнате?
XXVI. Радж
XXVII. «Ты пришёл! Ты разыскал меня!»

Запретная комната

I. «Дом Муров? Вы говорите о доме Муров?»

Начальство пока не оценило моих сыскных талантов, а честолюбия у меня хватало. К счастью для моих отношений с лейтенантом нашего участка, честолюбие это я пока держал при себе. Оснований ждать от себя великих дел у меня было немного. И всё же я давно надеялся, что, если мне подвернётся серьёзное дело, я сумею показать себя и добьюсь большего, чем удавалось полиции округа Колумбия с тех пор, как я имел честь поступить к ней на службу. Вот почему, когда я почти помимо своей воли оказался втянут в дело Джеффри и Муров, я поверил, что наконец смогу отличиться.

Дело Джеффри и Муров оказалось запутаннее, чем когда-либо подозревала публика, хотя им с жаром интересовались и в Вашингтоне, и далеко за его пределами. Потому я и хочу рассказать об этой трагедии так, как видел её сам, пусть даже меня упрекнут в желании прославиться за счёт своей причастности к громкому делу. Разочарований оно принесло мне столько же, сколько побед. И если я остался доволен, то и боли в сердце у меня было не меньше, ибо я неравнодушен к женщинам и…

Впрочем, я отвлёкся. Вы ведь ждёте самого рассказа.

В ту ночь, когда к нам явился дядюшка Дэвид, я был в участке. Дядюшкой Дэвидом его звали все, даже мальчишки, бегавшие за ним по улице. Да простит мне этот почтенный господин, что и я называю его так же. Прозвище подходило ему в ту пору не меньше, чем его угрюмые повадки, причудливый наряд и привычка всюду водить за собой огромного мастифа Раджа. Я давно слышал, что старик — один из самых примечательных жителей нашего участка. Мне даже случалось видеть его на авеню, и не раз, но лицом к лицу мы до сих пор не встречались. Я плохо знал его лицо и не мог сразу сказать, всегда ли в его маленьких серых глазах горит такой беспокойный огонёк или сегодня он чем-то встревожен. Но стоило ему заговорить, как я услышал в голосе отчётливую дрожь и понял, что он с трудом сдерживает волнение. А ведь всего и было у него новостей, что в каком-то доме, где, по всей видимости, никого не должно было быть, горел свет.

Поначалу я слушал вполуха: мало ли где горит свет. Но тут он назвал дом, и я навострил уши и даже вмешался в разговор. «Дом Муров», — сказал он.

— Дом Муров? — переспросил я в изумлении. — Вы говорите о доме Муров?

Одно это название всколыхнуло во мне тысячу воспоминаний.

— А о каком же ещё? — проворчал он, бросив на меня острый, нетерпеливый взгляд. — Неужто я стал бы хлопотать о доме, до которого мне нет дела, или тащить Раджа с тёплой подстилки ради неблагодарного соседа, которого, может статься, и грабить-то никто не собирается? Нет, это в *мой* дом вздумал забраться какой-то плут. То есть, — любезно поправился он, видя, как все удивились, — в дом, который по закону достанется мне, если что-нибудь случится с девчонкой, которую оставил после себя мой брат.

Проворчав что-то на пса, явно собиравшегося улечься прямо на месте, старик направился к двери. Ещё минута — и он вышел бы на улицу, если бы я не шагнул следом.

— Так вы из Муров и живёте в старом доме или где-то рядом? — спросил я.

Он так изумился моему вопросу, что я немного оробел.

— И давно вы, позвольте узнать, в Вашингтоне? — язвительно спросил он в ответ.

— Да месяцев пять.

К нему тотчас вернулось добродушие, если это слово вообще применимо к такому вспыльчивому старику. Он отозвался сухо, но без злости:

— Немного же вы успели узнать за это время. — Тут он кивнул с большей церемонностью, чем иной человек кланяется, и вдруг прибавил с достоинством: — Я из старшей ветви и живу в небольшом доме напротив особняка. Во всём квартале я один и живу. Поживёте здесь подольше — узнаете, отчего этот квартал не жалуют те, в ком не течёт кровь Муров. Пока же спишем его дурную славу на… малярию. — Он выразительно повёл худыми плечами, отчего все складки его старомодного плаща пошли волнами, и снова направился к двери.

Но теперь меня разбирало нестерпимое любопытство. Об этом доме я знал больше, чем он думал. Кто читал в последнее время газеты, тот и без службы в полиции знал его примечательную историю во всех подробностях. Одного я не знал: что старик приходится близким родственником семье, о которой уже две недели говорили все кому не лень.

— Погодите! — окликнул я его. — Вы, говорите, живёте напротив дома Муров. Значит, вы можете мне сказать…

Но задерживаться ради пересудов он не собирался.

— Всё было в газетах, — бросил он через плечо. — Почитайте. Только сначала выясните, кто зажёг свет в доме, за которым, как мы все знаем, даже сторож не присматривает.

Совет был дельный. Последовать ему велел долг, да и самому мне этого хотелось.

Возможно, вам уже известно, чем примечателен этот дом. Тогда в моих объяснениях вы не нуждаетесь. Но если вам по какой-либо причине не довелось узнать о недавних событиях, окончательно закрепивших за старинным особняком его страшную славу, вам будет любопытно прочесть, почему в Вашингтоне на дом Муров днём показывают пальцем, а ночью обходят стороной. И так будет впредь. Боятся его не одни суеверные чернокожие жители, но и всякий, кому знакомы страх и ужас.

Дом стоял здесь, когда Вашингтон был ещё деревней. Он старше Капитолия и Белого дома. Его выстроил человек богатый, и в доме поныне видны размах и сдержанное изящество колониальной поры. Но тень легла на него так скоро, что он уже тогда стал притчей во языцех. За ним так и не закрепилось избитое название «дом с привидениями», однако семьи, которые туда въезжали, вскоре съезжали, уверяя, что счастья там не найти и что под этой крышей невозможно уснуть. И всякий признает, что у такого беспокойства были причины. Стены помнили немало трагедий. В доме не раз умирали. То же можно сказать о многих старых домах, но редко где смерть всякий раз настигала человека столь внезапно и при одних и тех же обстоятельствах. Если однажды у камина находят вытянувшегося на каменной плите мертвеца, это, пожалуй, ещё не даёт особого повода для толков. Но если за всю историю дома одно и то же случается дважды, а то и трижды, простительно отнестись с недоверием к его мнимому уюту и заподозрить, что в его темнеющих стенах таится зло. Предоставленное самому себе, оно, может быть, исчезнет, когда дом окончательно обветшает. Но стоит бросить ему вызов, и оно может ударить вновь, оставив новое пятно на каменной плите у камина, уже трижды обагрённой кровью.

Впрочем, это старые предания, о которых я едва ли стал бы говорить, если бы недавнее происшествие не напомнило о них всему городу. Оно заставило снова заговорить об этом давно пустующем, ветшающем особняке и разнесло его славу из конца в конец страны. Я говорю о трагедии, которой была омрачена недавняя свадьба в доме Муров.

Вероника Мур, богатая, хорошенькая и своенравная, давно питала странную привязанность к угрюмому дому предков. В решающий миг своей жизни она задумала доказать и себе, и всему свету, что никакого проклятия над ним нет и что оно существует лишь в воображении суеверных людей. Собравшись замуж за того, кого полюбила, она велела открыть дом для венчания. Чем это кончилось, вы знаете. Как ни радостен был повод, как ни постарались устроители праздника, старая тень легла и на него. За каких-нибудь пять минут до венчания одного из гостей нашли мёртвым на злополучной плите у камина. Он забрёл в комнату с давней дурной славой, единственную, куда гостей не пускали. Страшную весть скрывали от невесты до

тех пор, пока не прозвучали священные слова. А потом гостей охватила такая паника, что все разом покинули дом, словно там обнаружили чуму.

Вот почему я поспешил за дядюшкой Дэвидом, когда он сказал, что в доме с такой страшной историей опять неладно.

II. Я вхожу

Дядюшке Дэвиду перевалило за семьдесят, а ходил он резво. В ту ночь старик так припустил, что, когда я свернул с Нью-Гэмпшир-авеню, он уже дошёл до середины улицы Эйч.

В этом унылом квартале, самом безлюдном во всём Вашингтоне, двигался только он. Его худощавая, довольно статная фигура сливалась с фигурой пса, трусившего по пятам. Чем ближе я подходил к дому, тем сильнее поражала меня тишина. Я готов был поклясться, что тени здесь гуще, чем где-либо, а редкие газовые фонари мерцают слабее, чем на любом другом таком же отрезке вашингтонской улицы.

Тем временем тень дядюшки Дэвида исчезла с тротуара. Он остановился у забора, увитого зеленью. За ним едва виднелся домик, о котором он говорил. Во всём квартале, кроме особняка Муров, стоял только этот домик, и жил в нём сам дядюшка Дэвид.

Поравнявшись со стариком, я услышал, что он бормочет, по обыкновению, но на сей раз не псу, а себе под нос. Пса нигде не было видно, и то, что верный спутник вдруг его покинул, по всей видимости, расстроило старика куда сильнее, чем можно было ожидать. Из всего, что он говорил невидимому псу, я разобрал следующее:

— Умён ты, больно умён! Видишь ту болтающуюся ставню через дорогу не хуже моего. Только малодушный пёс от неё шарахнется. А я не шарахаюсь. Я вот не боюсь стоять и смотреть. И я тебе ещё покажу, что думаю о псе, который чуть что поджимает хвост и не может хоть для виду набраться храбрости, чтобы подсобить старому хозяину. Скрипит, говоришь? Ну и пусть себе скрипит! Меня скрипом не проймёшь, хотя я бы дорого дал, чтобы узнать, чья рука… А, это вы! Всё-таки пришли? — Последние слова относились ко мне. Я только что подошёл.

— Да, пришёл. Так что стряслось с домом Муров?

Он наверняка ждал этого вопроса, однако ответил не сразу. Голос у него был натянут и звучал непривычно высоко, а сам он, видно, и не думал, что его манера меня удивит.

— Поглядите вон на то окно! — наконец воскликнул он. — Туда, где ставня чуть приоткрыта! Смотрите, она сейчас качнётся. Вот, скрипнула. Слышали?

С крыльца за нашей спиной донеслось рычание, похожее скорее на стон. Старик мигом обернулся и, вскинув руку с невольной яростью, крикнул:

— Тихо там! Коли тебе страшна ставня на ветру, держи пасть на замке. Нечего каждому встречному знать, какой ты дурак. Слово даю, — продолжал он брюзжать, словно обращаясь то ко мне, то к себе, — пёс совсем состарился. Положиться на него больше нельзя. Бросает хозяина как раз тогда, когда… — Последние слова потонули в хрипе. Слышалось в нём что-то посильнее досады.

А я тем временем внимательно разглядывал дом, на который он указал.

Я видел этот дом много раз, но мне ни разу не случалось остановиться перед ним, когда огромные деревья вокруг уже тонули во тьме. Чёрный проём заброшенного парадного входа глядел на улицу из-под теней, которые казались ещё гуще от страшных воспоминаний, связанных с этим местом.

От такого зрелища спокойнее не становилось. Дело было не в суеверном страхе перед безлюдным домом. Ставня качалась на ветру, то заслоняя тёмные стёкла, то снова открывая их. Сквозь стекло я заметил, или мне почудилось, что заметил, проблеск света. Значит, кто-то был в доме, который ещё недавно считали непригодным для жилья.

— Вы правы, — сказал я беспокойному старику. — Там кто-то бродит. Уж не миссис ли Джеффри или её муж?

— Ночью, в доме без газа? Едва ли.

Сами слова были вполне естественны, голос — совсем нет. Да и держался он странно. Искоса взглянув на него и заметив, как он исподволь отодвигается от меня в темноте, я сказал бодрее, чем он, должно быть, ожидал:

— Позову ещё одного полицейского, втроём перейдём улицу и посмотрим, в чём дело.

— Только без меня! — отрезал он, распахивая спрятанную в зелени калитку. — Джеффри это не понравится, если они когда-нибудь узнают, что я к ним вломился.

— Вот как! — Я рассмеялся и подал сигнал свистком. Потом заговорил серьёзнее. Старик вёл себя так странно, что я с удовольствием разобрался бы и в его повадках, и в тайнах дома, который так его занимал. — Да стоит ли об этом думать? Пойдёмте посмотрим, что творится в доме, который вы так охотно зовёте своим.

Но он отступил ещё дальше в тень.

— Делать мне там нечего. Мы с Вероникой никогда не ладили. Она даже на свадьбу меня не позвала, хотя я живу в двух шагах от её дверей. Нет, я свой долг исполнил, на огонь вам указал. А уж светит ли там воровской фонарь — вы, может, и не знаете, какие редкости хранятся на полках большой библиотеки, — или это такое диковинное сияние, что пугает дураков, а заодно и кое-каких дурных собак, мне всё равно. На сегодня с меня хватит и дома, и вас.

С этими словами он поднялся к себе и исчез под зеленью, которая свисала перед фасадом, словно саван. Через мгновение из дома полились полнозвучные аккорды органа, и вслед за ними раздался протяжный вой Раджа. То ли пёс чересчур ценил игру хозяина, то ли решительно её не одобрял — этого, кажется, никто так и не выяснил, — но он привык сопровождать таким образом всё, что тот играл. От этих чудовищных диссонансов орган не смолк. Напротив, он зазвучал громче и мощнее, и Радж стал ещё громче выражать свою боль или восхищение. Результат легко себе представить. Слушая, как нестерпимый вой прорезает дивные созвучия, я задумался, одна ли тень угрюмого особняка Муров виновата в том, что у дядюшки Дэвида нет соседей.

Тут по улице подбежал Хиббард, первым услышавший мой свисток. Как раз в это время свет, или то, что мы условились считать светом, снова мелькнул в знакомом окне.

— В доме Муров кто-то есть, — сказал я самым будничным тоном, какой только сумел изобразить.

Хиббард — здоровяк, самый рослый во всей полиции, и до сих пор я считал его невозмутимым, как лучшие из нас. Но стоило ему бросить взгляд на высокие стены одинокого дома, как он явно смутился и вовсе не спешил переходить улицу.

Я с трудом скрыл своё отвращение.

— Идёмте, — сказал я, сходя с тротуара. — Посмотрим, что там. Имущество ценное, обстановка богатая, а на полках в библиотеке дорогим книгам счёту нет. Спички и револьвер у вас есть?

Он кивнул и молча показал мне сначала спички, потом револьвер. Затем, пытаясь прикрыть смущение смешком, сказал:

— Вам нужны? Могу одолжить на полчасика.

Я поразился, что такую слабость выказал человек, которого я всегда считал крепким и непрошибаемым, как кремень. Хиббард уже наполовину вытащил револьвер, но я оттолкнул его руку, принял самый строгий вид и первым пошёл через улицу, бросив на ходу:

— Мы можем наткнуться на целую шайку. Неужели вы хотите, чтобы я один сунулся на полдюжины человек?

— Никакой полудюжины вы там не найдёте, — пробормотал он. И всё же пошёл за мной, хотя куда менее охотно, чем мне хотелось бы. Ведь я и сам отчасти храбрился напоказ и вполне мог понять… ну, скажем, того пса, который предпочёл подвывать под музыку хозяина, лишь бы не сторожить квартал, над которым нависал проклятый дом, куда я теперь собирался войти.

Дом слишком хорошо известен, чтобы я стал описывать его подробно. Иллюстрации во всех газетах уже познакомили публику с его простым фасадом и рядами окон под ставнями. Даже большое квадратное крыльцо со скамьёй для чернокожих слуг видели на фотографиях миллионы людей. Тем, кто видел снимок, на котором свадебные гости бегут из распахнутых дверей, едва ли будет особенно интересно, как тих и почти торжествен был дом, когда я поднялся по невысоким ступеням и взялся за круглую ручку старинной парадной двери.

Я вовсе не думал, что так и войду. Просто я привык приступать к делу самым обычным способом. Вообразите же моё изумление, когда дверь поддалась от первого прикосновения. Её даже не закрыли на защёлку.

«Так-так, — подумал я. — Тут дело серьёзное. В доме кто-то *есть*».

Я захватил с собой обыкновенный карманный фонарь. Когда Хиббард понял, что я твёрдо намерен войти и сам узнать, кто воспользовался дурной славой дома, чтобы устроить в обветшалых комнатах тайное убежище или место встреч, я вынул фонарь и приготовился.

— Как бы нам не разворошить осиное гнездо, — объяснил я Хиббарду, который и для своего роста ступал как-то уж очень тяжело. — Но я вхожу, и вы со мной. Только давайте сперва снимем башмаки. Спрячем их вон в тех кустах.

— Я всегда простужаюсь, когда хожу босиком, — пробурчал мой храбрый товарищ. Не дождавшись ответа, он снял башмаки и бросил их возле моих в те самые голые кусты, которые хорошо видны на упомянутых снимках. Затем он вынул револьвер, взвёл курок и замер в ожидании, пока я осторожно толкал дверь.

Темнота! Тишина!

Лучше бы мне встретить свет и услышать хоть какой-нибудь шум, пусть даже зловещий щелчок, столь привычный нашему брату. Хиббард, казалось, чувствовал то же самое, только по совсем другой причине.

— Тут пистолеты с фонарями без толку, — проворчал он. — Вот бы нам сейчас священника со святой водой, а уж я…

Он и впрямь собрался улизнуть.

Тихо выругавшись, я удержал его.

— Послушайте! — воскликнул я. — Вы не грудной ребёнок. Идёмте, или… Ну что ещё?

Он вцепился мне в руку и указывал на дверь, которая медленно закрывалась за нами.

— Гляньте, — шепнул он. — В замке ключа нет. Люди пользуются ключами, а вот…

Тут моё терпение лопнуло. Стряхнув его руку, я пробормотал:

— Ну и уходите! С этаким дураком мне делать нечего. Обойдусь один. — И, чтобы подкрепить свои слова делом, я повернул заслонку фонаря и осветил переднюю.

Вид открылся призрачный. Хиббард тяжело дышал, но не воспользовался моими словами, чтобы сбежать, хотя я бы этому не удивился. Может быть, его, как и меня, заворожили длинные сумрачные стены и такая же сумрачная лестница, проступившие из тьмы, которая минуту назад казалась непроглядной. А может, ему просто стало стыдно. Как бы то ни было, он остался на месте и вытаращенными глазами смотрел туда, где две колонны с позолоченными коринфскими капителями обрамляли вход в комнату, куда никто не входил без причины и мимо которой никто не проходил без страха. Наверняка он думал о том, что не раз выносили между этими колоннами. Я-то как раз об этом и думал. И когда от сквозняка из открытой двери драпировка у колонн вдруг взметнулась и затрепетала, я ничуть не удивился, что Хиббард растерял остатки храбрости. По правде говоря, я и сам вздрогнул, но сумел скрыть испуг и яростно зашипел ему:

— Не валяйте дурака. За этой портьерой самое страшное, что может оказаться, — какой-нибудь политический беглец или шайка фальшивомонетчиков.

— Может быть. Уж если бы мне попался Апсон, я бы…

— Тсс!

Я только что что-то услышал.

С минуту мы стояли, затаив дыхание. Звук не повторился, и я решил, что это скрип той далёкой ставни. Рядом с нами, во всяком случае, ничто не шевелилось.

— Пойдём наверх? — прошептал Хиббард.

— Сперва убедимся, что внизу всё в порядке.

Слева от нас была чуть приоткрытая дверь.

Мы толкнули её и заглянули внутрь. Перед нами была хорошо обставленная гостиная.

— Вот где венчались, — заметил Хиббард, вытягивая шею у меня над плечом.

Повсюду были следы свадьбы. Стены и потолок украшали гирлянды. Они ещё держались на каминной полке, над дверями и вдоль косяков. Ковёр был усеян обломанными ветками и остатками букетов, выпавших из рук бежавших гостей. Между ними громоздились опрокинутые стулья и столы. Всё говорило и о поспешном бегстве, и о суеверном страхе, из-за которого никто не вернулся даже просто прибрать комнату. Не закрыли даже рояль. Под ним валялись листы нот, так и оставленные там, где упали, и какому-нибудь бедняге музыканту, вероятно, пришлось с ними распрощаться. Только часы посреди каминной полки подавали признаки жизни. Их завели к свадьбе, и они ещё шли. Едва слышное тиканье доносилось из темноты, словно и часы пали духом и скоро смолкнут среди мёртвой тишины этого призрачного дома.

— К-как на похоронах, — выговорил Хиббард, стуча зубами.

Он был прав. Когда я наконец затворил дверь, мне показалось, что я опустил крышку гроба.

В задней части дома ничто нас надолго не задержало. Тогда мы с некоторой опаской, как оказалось вполне оправданной, направились к двери между коринфскими колоннами.

Она была приоткрыта, как и прочие. Зовите меня трусом или дураком — я, помните, успел назвать Хиббарда и тем и другим, — но приложить руку к филёнке красного дерева мне стоило усилия. Если где и таилась опасность, то здесь. Перед обычным противником я никогда не робел, но к неведомой, незримой опасности, как и многие, особой любви не питаю.

До сих пор Хиббард шёл за мной чуть ли не вплотную, а тут оставил мне простора хоть отбавляй. Когда я наконец распахнул дверь и переступил порог страшной комнаты, мне казалось, что вхожу я один. Ведь всего две недели назад здесь прибавилась ещё одна жертва к числу тех, кто нашёл в этой комнате смерть при неслыханных и самых непостижимых обстоятельствах.

Поначалу я различил лишь громоздкие очертания старинной скамьи с высокой спинкой, которая тянулась от угла камина до середины комнаты. По всему выходило, что именно с этой скамьи упали мужчины, которых в разные годы находили здесь мёртвыми. От её тяжёлых очертаний и густой тени на старой злополучной плите у камина у меня пробежал мороз по коже. Чтобы отделаться от страшных воспоминаний и убедиться, что в комнате действительно никого нет, я шагнул вперёд. Свет фонаря разлился дальше, и ещё явственнее стало видно, как пуста и заброшена огромная комната. Скамья, как я потом узнал, была закреплена на месте и на широком голом полу оставалась почти единственным предметом мебели. Где-то в тени у дальней стены прятались один или два столика и, кажется, табурет или небольшая кушетка. В целом же казалось, что из комнаты вынесли всё и отдали её на поживу моли и ржавчине.

Я не говорю о стенах. Они, в отличие от пола, не были голыми: от пола до потолка стояли книги. Книги эти были старые. Они так долго простояли на своих местах, забытые, нетронутые, что и цветом стали похожи на плесень, и пахли… Впрочем, к чему добавлять ещё одну подробность? Всякий знает, какая тоска берёт в комнате, куда бог знает сколько времени не проникали воздух и солнечный свет.

Богатая лепнина потолка, которую признавали одной из лучших в Вашингтоне, и искусная резьба, украшавшая камин из итальянского мрамора над проклятой плитой, только подчёркивали, до чего запущена остальная комната. Оставаться под её гнетущим впечатлением

мне нисколько не хотелось. Убедившись, что здесь действительно никого нет, я повернулся к выходу. И вдруг увидел нечто столь неожиданное и поразительное, что остановился как вкопанный. После всех вспомнившихся мне трагедий я и сам едва мог решить, вправду ли вижу это или воображение рисует мне новый кошмар.

На полу передо мной, на том месте, которое до сих пор заслоняла приоткрытая дверь, лежала женщина. Даже при первом беглом взгляде меня поразила её хрупкая, почти невесомая утончённость. И лежала она так, как лежат только мёртвые. *Мёртвые!* А я ведь только что вглядывался в плиту у камина, ожидая увидеть именно это! Нет, не совсем это: женщина лежала лицом вверх, а на полу рядом с ней была кровь.

Кто-то потянул меня за рукав. Это был Хиббард. Моя неподвижность и молчание встревожили его, и он вошёл, дрожа всем телом и сам не зная, чего ждать. Но едва он увидел лежащую женщину, от которой я не мог отвести глаз, с ним произошла неожиданная перемена. То, что лишило меня самообладания, ему его вернуло. С такой смертью он был знаком. Кровь его не пугала. Удивился он лишь тому, как сильно она, по-видимому, подействовала на меня.

— Застрелена, — коротко сказал он, наклоняясь над телом. — Прямо в сердце. Должно быть, умерла ещё до того, как упала.

Застрелена!

Такого в этой комнате ещё не бывало. На прежних жертвах ран не находили, да и лежали они всегда в одном месте, у плиты, словно под охраной громадной скамьи. Подумав об этом, я невольно снова взглянул на камин, точно ожидал увидеть там то, во что почти отказывался поверить, хотя оно лежало у моих ног. У камина я различил только старую скамью с её страшной славой. Меня передёрнуло, и тут вдруг раздался крик Хиббарда.

— Смотрите! Что вы об этом скажете?

Он указал на что-то на полу. Вглядевшись, я различил белую атласную ленту. Лента тянулась от тонкого запястья девушки к рукояти пистолета, упавшего неподалёку.

— Похоже, пистолет к ней привязан. Такого я ещё не видал. Как, по-вашему, что бы это значило?

Увы, значить это могло только одно. Она сама сделала выстрел, от которого погибла. Эта хрупкая красавица покончила с собой.

Но почему именно здесь? Как это объяснить? Неужели дурная слава комнаты так её заворожила? Или она набрела на открытую парадную дверь и обрадовалась тому, что может в одиночестве положить конец своим мучениям? Я всматривался в её лицо, ища ответа, и тут меня ждало новое потрясение. Я сразу поделился им с товарищем, к которому успело вернуться всё его хладнокровие.

— Взгляните на её лицо, — воскликнул я. — Мне кажется, я его знаю. А вы?

Он проворчал, что нет, но по моей просьбе наклонился и долго всматривался в несчастное молодое лицо. Выпрямившись, он озадаченно нахмурился.

— Где-то я его точно видел, — признался он неуверенно, пятясь к двери. — Может, в газетах. Вам не кажется, что она похожа на…

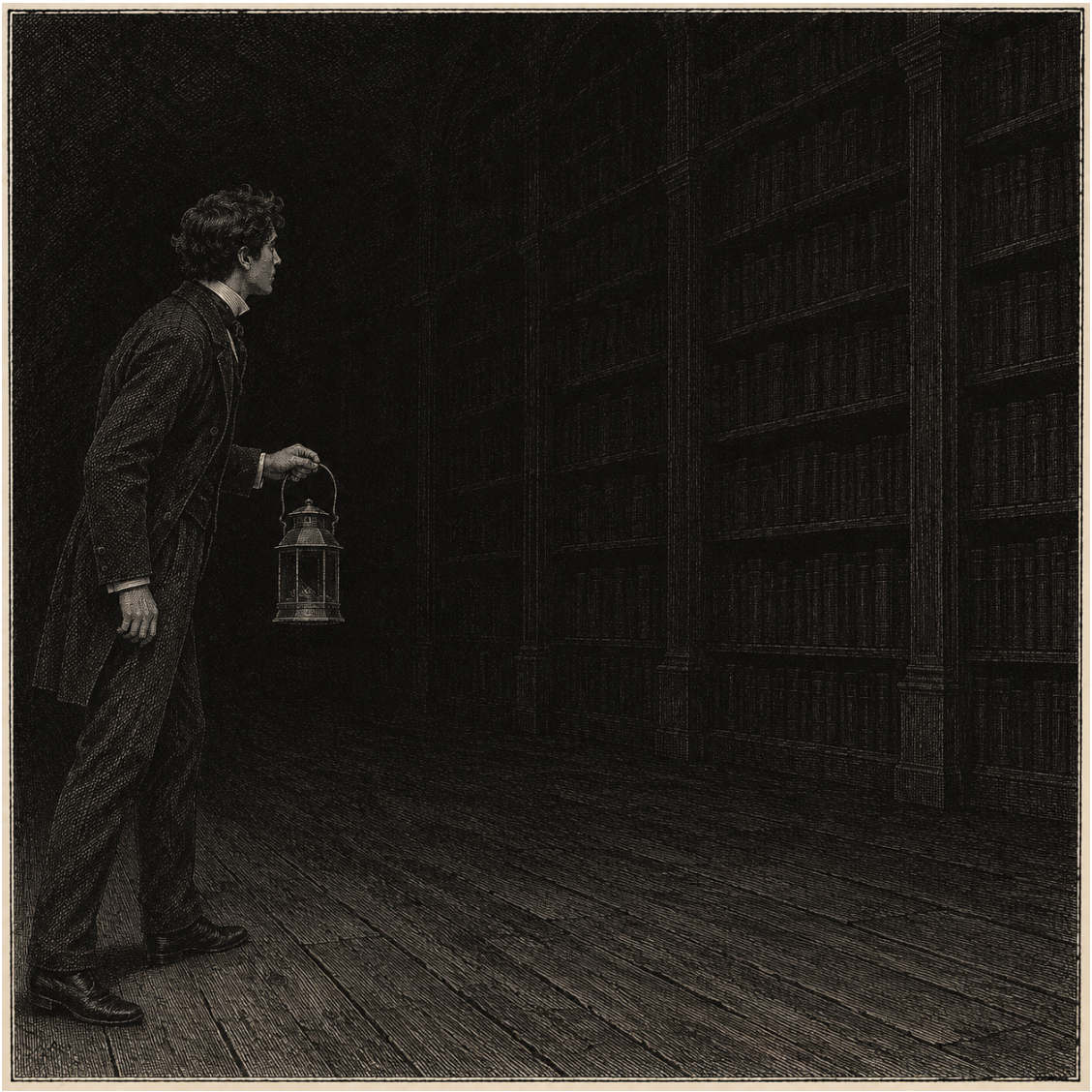
— Похожа! — перебил я. — Да это *сама* Вероника Мур, хозяйка дома. Две недели назад она здесь венчалась с мистером Джеффри. Видно, та трагедия, что омрачила её свадьбу, лишила её рассудка.

III. Я остаюсь

Я ни на миг не усомнился, что узнал её. На всех портретах этой светской красавицы, какие мне доводилось видеть, у неё было особенное, незабываемое выражение лица. И теперь я узнал его в безжизненных чертах передо мной.

Находка меня потрясла, но я был уверен, что это лишь страшный исход и без того мрачной истории, и действовал, как принято в подобных случаях. Я отправил Хиббарда, который с превеликой охотой взялся известить управление, и уже собирался записать подробности, показавшиеся мне важными, когда мой фонарь вдруг погас. Я остался в полной темноте.

Приятного в этом было мало, но темнота навела меня на одну мысль. Едва я очутился один в непроглядном мраке этой комнаты, похожей на склеп, как убедил себя, что ни одна женщина, будь она хоть вне себя, не шагнёт в неведомое из темноты, слишком уж похожей на мрак могилы, в которую она спешит. Это противно человеческой природе, женской во всяком случае. Либо она сделала последний шаг, пока сквозь ставни в закрытую комнату ещё проникали остатки дневного света, — эту догадку сразу опровергло тепло, которое местами ещё сохраняло тело, — либо в миг выстрела здесь что-то горело, а потом свет унесли или погасили.



Фонарь погас

Я вспомнил неясные отблески, мелькавшие в одном из верхних окон, и склонялся к первому объяснению, но не хотел сбрасывать со счетов и второе. Я снова зажёг фонарь, повернул один из кранов массивной люстры у себя над головой и поднёс спичку. Результат был тот самый, какого я ожидал. Газа в трубах не было. К свадьбе даже не поставили счётчика — газеты не раз это отмечали, расписывая, как кричаще выглядели пышные туалеты дам при дневном свете. Не позаботились даже о свечах. Ах, свечи! Что же тогда блестело на столике в другом конце комнаты? Подсвечник, несомненно, вернее старинный канделябр, в одном из гнёзд которого стояла наполовину сгоревшая свеча. Я поспешил туда и пощупал фитиль. Он был твёрдый, совершенно негнущийся. Но это ещё не доказывало, что свеча горела давно: кончик фитиля быстро высыхает, когда пламя задуют. Я вынул перочинный нож и поколупал фитиль у самого основания. Под воском нити оказались сравнительно мягкими, и остриё легко в них входило. Вывод напрашивался сам собой. Чутьё меня не обмануло: женщина подняла оружие при свете, свеча горела. Тут меня поразила новая мысль. Если она горела, кто её потом задул? Сама женщина этого сделать не могла — рана была безусловно смертельна. От столика с канделябром до того места, где она лежала, она могла дойти, если вообще проходила этот путь, только до выстрела. Кто-то другой, кто-то, чьё дыхание ещё не успело рассеяться в воздухе вокруг меня, задул свечу после её падения. Значит, это было не самоубийство, *а убийство!*

От этого открытия у меня затрепетал каждый нерв. Тут сказалось то самое честолюбие, о котором я говорил в начале рассказа. Мне казалось, что долгожданный случай представился. С таким началом я сумею найти улики и установить факты, благодаря которым эта новая версия возьмёт верх над той, очевидной, которую принял Хиббард и о которой вот-вот узнают в управлении. Какой это будет для меня победой! И скольким я буду обязан брюзгливому старику, чьи, казалось бы, вздорные страхи сперва привели меня сюда!

Понимая, чего стоят те несколько минут, на которые я, вероятно, останусь один на месте преступления, я взялся за дело сразу и по порядку, как всегда обещал себе действовать, когда мне впервые удастся раскрыть преступление.

Прежде всего я ещё раз взглянул на прекрасную юную жертву. Какую мучительную складку прочертила скорбь у неё на лбу! Какие тёмные впадины обезобразили щёки, нежные, как лепестки розы! Безупречной красавицей её, пожалуй, не назовёшь, но от этого лица трудно было отвести взгляд. Оно говорило мне о чём-то, чего я не сумел бы выразить словами. Я словно отрывался от увлекательной загадки, так её и не решив, когда наконец принялся осматривать руки. Каждая ставила меня перед новым вопросом. О правом запястье вы уже знаете: от него тянулась длинная белая лента к пистолету, из которого был сделан выстрел. Но левая рука таила секрет, пусть и менее поразительный, зато, пожалуй, не менее важный. Колец не было. Исчезло даже обручальное, надетое так недавно. Ограбили? Следов насилия не было, и даже беспорядка, который обычно оставляет после себя грабитель, я не заметил. Боа из тонкой чёрной сетки нетронутым доходило до подбородка. По тяжёлым складкам дорогого суконного платья тоже было видно, что после падения её никто не трогал. Если у неё на шее и сверкала драгоценность или в ушах были серьги, их сняли очень бережно, если не с любовью. Но я скорее склонялся к тому, что она пришла сюда без украшений: весь её наряд отличался строгой простотой. Шляпка, такая же простая и изящная, как всё остальное, лежала рядом на полу. Сняли и бросили её явно в нетерпении. Что сделала это сама Вероника, выдавала маленькая, но важная подробность. Булавку, которой шляпка крепилась к волосам, снова воткнули в шляпку. Кто, кроме неё, стал бы об этом заботиться? Мужчина отбросил бы булавку так же, как и шляпку.

Вопрос.

Значит ли это, что она собиралась снова надеть шляпку? Или она сделала это машинально, по привычке?

Осмотрев её настолько, насколько мог, в пределах своих полномочий, оставив остальное коронеру, я принялся искать следы того, кто, по моему убеждению, погасил свечу. Тут меня ждало жестокое разочарование. На присутствие другого человека указывала разве что горстка сигарного пепла у ножек простого кухонного стула. Стул стоял перед книжными полками в той части комнаты, где на столике был канделябр. Но пепел казался давним, да и запаха табака среди затхлого воздуха я не уловил. Не оставил ли его тот, кто умер здесь две недели назад? Тогда и недокуренная сигара должна быть где-то на виду. Поискать её? Нет, для этого пришлось бы подойти к камину, а нынешняя обстановка не располагала к тому, чтобы соваться туда очертя голову.

К тому же здесь я ещё не закончил. Если от пепла не было проку, то, может статься, стул или полки, перед которыми он стоял, ещё могли мне что-то подсказать. Здесь сидел человек, которого интересовали книги. Он собирался провести за этими фолиантами достаточно времени, чтобы подыскать себе стул. Интересовали ли его книги вообще или какой-то определённый том? С этой, вероятно, мыслью я пробежал глазами по полкам, до которых мог дотянуться. Я мало разбираюсь в книгах, но видел, что это, как говорится, редкости. В одних встречался готический шрифт; тома покрылись плесенью и утопали в пыли. Другие, судя по годам издания, могли бы обрадовать любого собирателя. Однако ни на одной из книг, сколько я мог судить, не было видно следов недавнего прикосновения. Не желая тратить время на пустяки, я поспешно отошёл от стула и уже собирался заняться чем-нибудь другим, когда заметил, что на верхней полке один том слегка выдаётся из ряда. Я мигом взобрался на стул, и книга оказалась у меня в руках. Нашёл ли я в ней что-нибудь интересное? Да, только не в тексте, в котором я ровным счётом ничего не понял. На верхнем обрезе не было пыли, какую я видел на всякой другой книге, взятой с полок. Стало быть, вот что привлекло незнакомца. Как же она называлась? Кажется, «Рассуждение о древних береговых линиях». Ну что за вздор! Я напрасно теряю время. Какое отношение мог иметь этот сухой трактат к телу, лежавшему в крови за моей спиной, или к руке, которая погасила свечу после страшного дела? Никакого. Я поставил книгу на место, но не так торопливо, чтобы задвинуть хоть на дюйм глубже, чем она стояла. Если ей всё-таки было что рассказать, следовало оставить этот рассказ тем, кто смыслит в книгах больше моего.

Затем я подошёл к столику, на котором стоял канделябр с блестящими подвесками. Столик этот был из набора, стоявшего у ближней стены. Я убедился, что его совсем недавно вынули из набора и переставили. На столешнице лежала густая пыль, а на столике, прежде стоявшем под ним, её почти не было. Канделябр поставили сюда тоже недавно: пыль была под ним и вокруг него. Она сама его сюда принесла? Вряд ли, если прежде он стоял на каминной полке, к которой я теперь повернулся.

Я упоминал эту полку уже не раз. Иначе трудно было бы рассказать об этой комнате, ведь загадка, которой она прославилась, была связана с камином. Но хотя я так свободно о нём говорил и ни на миг о нём не забывал, подойти к нему ближе я до сих пор не решался. Теперь, прикидывая, нельзя ли всё же сократить расстояние, я ощутил тот внезапный, непреодолимый интерес ко всякой мелочи, какой вызывают вещи, с которыми для нас связана особая опасность.

Я даже шагнул к камину, подняв фонарь. Случайный луч упал на поблёкшую старую гравюру над ним.

Это была известная, по крайней мере в Вашингтоне, гравюра «Бенджамин Франклин при французском дворе». Любопытная сама по себе, она едва ли могла надолго удержать мой взгляд в такую минуту. На полку под ней хватило одного взгляда: она была совершенно пуста.

На истёртой временем и, может быть, отмеченной кровью плите у камина тоже ничего не было, кроме непроглядной тени от огромной скамьи, стоявшей у самого её края.

Я уже описал, какое впечатление произвела на меня эта старинная, приметная скамья, когда я вошёл.

Теперь оно только усилилось. Я разглядывал грубую резьбу, делавшую высокую прямую спинку ещё неудобнее, и вдыхал запах заплесневелых подушек, в которых, чего доброго, завелись мыши. Первое невольное отвращение сменилось подступающим страхом. Суеверие ещё не овладело мной, хотя и место, и час, и близость самой настоящей смерти могли дать воображению волю. Причина была в другом. Я заметил подробность, которая подтверждала предание: все, кого находили мёртвыми под каминной полкой, падали, по всей видимости, с одного и того же края этой чудовищной старинной скамьи. Хотите знать, что я заметил? Всё очень просто. Удобно устроиться можно было лишь с этого края. На участке, которого едва хватило бы одному, сиденье и спинку обили кожей, прикрепив её к дереву тяжёлыми коваными гвоздями. Вся остальная скамья была голая и жёсткая, и на неё не тянуло присесть даже на минуту. Естественно было заключить, что хозяин этой диковинной вещи был себялюбцем, заботившимся только о собственном удобстве. Но не могло ли быть у его мнимой скупости другой причины? Пока я задавался этим вопросом и замечал, что длинный подлокотник у мягкого сиденья был плоским сверху, так что на него удобно было поставить графин со стаканом, на место рассудка пришло чувство, которому я не могу дать названия и которому, как мне прежде казалось, я был не подвержен. Я ещё не понял, чего мне захотелось и к чему это меня вело, а уже медленно, неуклонно приближался к страшной скамье. Невыносимо хотелось опуститься на эти старые подушки и…

Тут скрип далёкой ставни — быть может, той самой, которую я видел с другой стороны улицы, — напомнил мне, зачем я здесь. Осмотр был едва наполовину закончен, и сыщики из управления могли явиться с минуты на минуту. Я вырвался из-под наваждения и сам ужаснулся ему, едва оно спало. Я вышел через дверь в дальнем конце комнаты и принялся искать по соседству ясные следы, которых так и не нашёл здесь, на самом месте преступления.

Это был унылый обход. На каждом шагу виднелись следы почти безумной поспешности, с какой покинули дом. Особенно неприятное чувство вызывала столовая. Стол явно накрывали для свадебного обеда, а убирали в такой спешке, что кушанья смахнули с блюд, и теперь они гнили кучами на полу. На свадебный торт, который кто-то уронил, быть может, пытаясь спасти, наступили. По углам валялись битое стекло, скомканное столовое бельё и увядшие цветы. Ступать по этому загаженному полу было и противно, и небезопасно. В кладовых, выходивших в столовую, было не лучше. Отталкивали и вид, и запах. Я прошёл на кухню, а оттуда по узкому коридору в помещения для чернокожих слуг в задней части дома.

Тут я кое-что обнаружил. Одно из окон в этой давно заброшенной части дома оказалось не просто незапертым, а приоткрытым. Но следов того, что бежавший убийца воспользовался этим выходом, я не нашёл. Я вернулся в переднюю часть дома, к лестнице на верхний этаж.

На коврике у подножия лестницы лежала первая из доброго десятка сгоревших спичек. Дальше они тянулись явной цепочкой по ступеням и коридорам наверху. Все были обожжены до того места, за которое спичку ещё можно держать. Ясно, кто-то освещал ими себе дорогу, ища убежища наверху, возможно, в той самой комнате, где мы увидели свет, который и привёл нас в этот дом. Что же делать? Идти дальше или дождаться ребят, прежде чем соваться навстречу возможному убийце? Я решил идти. Уж очень меня увлекла, должно быть, отчётливость следа.

Но, когда я, внимательно идя по следам недавнего посетителя, дошёл до плотно закрытой двери в конце бокового коридора, признаюсь, не сразу поднял к ней руку. Чего только не может скрывать плотно закрытая дверь! Впрочем, колебался я, если это было колебание, всего мгновение. Нетерпение и тщеславие пересилили рассудок, и я, не думая о последствиях, а может

быть, и презирая их, уже держался за ручку. Я слегка толкнул дверь. Вдоль косяка вспыхнула полоска света. Я толкнул сильнее и распахнул дверь так широко, что увидел всю комнату.

Ставня одного из окон тут же хлопнула. Это была та самая комната, где мы снизу видели свет. В остальном всё было тихо. С первого взгляда я не увидел других признаков недавнего присутствия человека, кроме свечи, которая потрескивала в натёкшем воске на дне стакана. Стакан стоял на углу старинного туалетного столика. Эта единственная нелепая подробность среди всего богатого, почти величавого убранства ясно говорила, что здесь кто-то наспех устроился, не думая о последствиях. Но самого человека видно не было.

Беглого осмотра мне оказалось мало. Я увидел просторную старинную спальню со всей обстановкой, от которой веяло давно минувшим временем. Решив узнать худшее, вернее, встретиться с худшим и покончить с неизвестностью, я шагнул прямо на середину комнаты и одним быстрым взглядом обвёл её всю, до самых тёмных углов. Никакая скорчившаяся фигура там не шевельнулась. Никто не высунул головы из-за створок большой ширмы, за которую я не преминул заглянуть.

Теперь я приободрился. Где бы ни прятался преступник, со мной в комнате его не было, и я занялся самой комнатой. В ней было на что посмотреть. Справа громоздилась кровать на четырёх столбах. Такой кровати, которой ещё пользовались бы, я прежде не видел. Меня поразила её величина, а плотно задёрнутые занавеси из выцветшей парчи придавали ей таинственный вид. Не знаю, так ли подействовал на меня её вид или в ней таилось ещё что-то, но кровать меня заворожила. Я не решался подойти, но долго и пристально смотрел. А что, если кто-нибудь спрятался за занавесями? Странное дело, я всё ещё не был готов протянуть руку и проверить.

Между двумя окнами стоял туалетный столик, заставленный дамскими вещицами и принадлежностями для туалета, на удивление роскошными и дорогими. На полу, прямо перед высокой каминной полкой красного дерева, среди пустых коробок лежал опрокинутый стул. Его положение заставило меня задуматься и поднять глаза на камин: стул словно имел к нему какое-то отношение. Тут-то я заметил на стене над полкой бледный старый рисунок. До сих пор не могу сказать, чем мог удержать мой взгляд этот совершенно неинтересный набросок жеманного девичьего лица. В нём не было даже той красоты, которая приходится по вкусу чувствительным натурам, да и смысла в нём было мало, если вообще был. Линии и прежде были слабы, а теперь едва различались и кое-где совсем выцвели. И всё же я остановился, загляделся и забыл себя и едва не забыл, зачем пришёл. Видимой причины у этих чар не было. Не мог я объяснить и суеверного страха, который с той минуты мной овладел. Стоило скрипнуть ставне или раздаться одному из тех отрывистых звуков, которые мы сами, в тревожном ожидании, словно вызываем из тишины, как я медленно, со страхом оглядывался через плечо.

Казалось бы, здесь было меньше причин терять храбрость, чем внизу. Здесь стены не навевали ужаса видом безжизненного тела со следом убийства. А между тем чувства, с которыми я легко совладал в библиотеке, здесь преследовали меня с такой настойчивостью, что каждый шаг давался с трудом. Даже собственное отражение в зеркале, мимо которого я проходил, потрясло меня так, как ни разу не случалось с тех пор.

Может показаться, что человеку моего ремесла такие случайные страхи и не к лицу, и признаваться в них незачем. Но как иначе объяснить те несколько минут, которые прошли, прежде чем я собрался с духом, раздвинул полог и бегло осмотрел кровать, как того требовало моё сомнительное положение? Зато, едва я одолел этот страх и заглянул внутрь, ко мне вернулись и отвага, и прежняя страсть к уликам. Никакого преступника, разинувшего рот и стучащего зубами, в кровати не было. Однако пустой она тоже не была. Там что-то лежало. Вещь самая обыкновенная, но в этом месте и в этот час она была так неожиданна, что я заинтересовался и принялся гадать, откуда она взялась. Это была нарядная дамская накидка, такая богатая и праздничная, что трудно было поверить, будто её бросили в этом ветшающем доме.

В цене женских нарядов я разбираюсь плохо, зато знаю цену кружевам, а накидка была вся в кружевах.

Находка была любопытная, а за ней последовала ещё более любопытная. В складках накидки лежал увядший букет. То мог быть только букет невесты. Теперь он был некрасив и не пах, а прежде, должно быть, делал честь своему цветочнику. От большого пучка роз и лилий на длинных атласных лентах свисали маленькие букетики. Заметив эти ленты, я с ужасом вспомнил, для чего пошла в ход такая же в комнате внизу. Меня так передёрнуло от этого совпадения, что я забыл спросить себя, как букет, который несла невеста, мог снова оказаться здесь, наверху. Ведь, по общему рассказу, она выбежала из гостиной, не сказав ни слова и не задержавшись ни на шаг, как только ей сообщили, что случилось в библиотеке. Что здесь лежала её накидка, неудивительно. Но свадебный букет…

Даже случайному наблюдателю было бы ясно, что это действительно свадебный букет и что невеста одевалась к венчанию в этой комнате. Последние сомнения рассеялись, когда при дальнейшем осмотре я наткнулся на платок, в уголке которого было вышито имя Вероники.

Помимо имени, в платке было и кое-что ещё интересное. Ткань была тонкая, а сам платок, судя по всему, так же дорог, как прочие вещи его взыскательной хозяйки. Только он был испачкан, и странно испачкан. Я не сразу понял, откуда взялись эти бурые полосы. Женщина, без сомнения, поняла бы сразу, а у меня ушло несколько минут, прежде чем я сообразил, что этим тонким, как паутинка, батистом вытирали пыль. Пыль! С чего? Вероятно, с каминной полки, на краю которой я его нашёл. Но нет! Одного взгляда на полированное дерево хватило, чтобы убедиться: если в комнате что-то и протёрли, то уж точно не полку. На ней от края до края лежала пыль, собиравшаяся много дней, если не месяцев. Выделялось лишь место, где лежал платок, и — вот главное открытие! — пять чистых пятнышек чуть левее середины, там, где кто-то, судя по всему мужчина, опёрся кончиками пальцев. Только от нажатия пальцев могли остаться такие пятнышки. Вглядевшись, я даже сумел определить, где был большой палец. По этим отметинам, сразу подумал я, можно установить размер и форму руки, оставившей столь чёткую и бесспорную улику.

Прекрасно! Но что всё это значило? Зачем мужчине понадобилось упираться пальцами в эту неудобную полку? Не для того ли, чтобы, удерживая равновесие, заглянуть в дымоход? Нет, тогда следы вытянулись бы к краю, а здесь они были на середине. Да и форма у них круглая, не продолговатая. Стало быть, пальцы нажимали сверху и… Ах, вот оно! Такие отпечатки оставил бы человек, который опёрся о полку, чтобы как следует разглядеть старый рисунок. Это объясняло и опрокинутый стул, и платок, которым вытерли пыль. Рисунок заинтересовал кого-то сильнее, чем меня, — кого-то очень близорукого или такого любопытного, что он не успокоился, пока не разглядел его вблизи.

Тут мне пришла мысль, вернее, я понял, что надо сохранить очертания этих уличающих следов, пока они ещё ясно видны. Я вынул перочинный нож и остриём самого острого лезвия легонько обвёл каждый отпечаток, чтобы навсегда закрепить его на потёртом лаке красного дерева.

Закончив, я вернулся к прежнему вопросу. Что в этом старом рисунке могло так заинтересовать человека, замышлявшего зло, если только он уже не совершил страшного преступления? Как я говорил, сам по себе рисунок ничего не стоил. Выцветший набросок годился разве что для захламлённого чердака. Чем же он так притягивал к себе? Я и сам испытал это, пусть не в такой мере. Строить догадки было бесполезно. Загадочная находка осложнила мне задачу, но трудности лишь подогревали мой интерес. Я даже странно обрадовался, когда при дальнейшем осмотре наткнулся ещё на две столь же странные и, казалось бы, несовместимые подробности.

Под окном с болтавшейся ставней стоял столик. На нём лежал перочинный нож с откинутой пилкой, а вокруг были рассыпаны опилки. Они блеснули в свете фонаря, но были так мелки, что разглядеть их можно было только через лупу. Вторую находку я сделал в шкафу

неподалёку от большой кровати. На крючках ничего не висело, и два больших ящика в глубине были пусты и наполовину выдвинуты. Зато посреди пола лежал опрокинутый канделябр, такой же, как внизу. Призматические подвески рассыпались по сторонам, а единственная свеча была изломана и раздавлена на почерневших досках. Если свеча горела, когда канделябр опрокинули, то тот, кто топтал её, должно быть, делал это в исступлении, пытаясь сбить пламя. Кто же это был и когда это случилось? В последний час? Запаха гари я не чувствовал. Значит, раньше? Скажем, в день свадьбы?

Я перевёл взгляд с раздавленной свечи у моих ног на ту, что догорала, потрескивая в стакане на туалетном столике, и признался себе, что ничего не понимаю.

Как ни старайся, простого объяснения таким необычным и, по виду, противоречивым обстоятельствам не находилось.

IV. Подпись: Вероника

Кое в чём я чересчур раним. Среди прочих слабостей есть у меня вполне понятная боязнь насмешек. Наверное, поэтому, когда явился капитан, я не стал настаивать на своей версии и даже промолчал о мелочах, так меня заинтересовавших. Если он и опытные сыщики, пришедшие с ним, в этой страшной гибели женщины, прожившей замужем две недели, видели одно лишь самоубийство, где уж мне было заговаривать о преступлении. Тем более что один из них взглянул на меня с откровенным презрением, когда я предложил вместе подняться в комнату, где видели свет. Нет, я оставлю свои открытия при себе или, по крайней мере, подожду, пока капитан останется один. А пока я попросил только позволения дождаться в доме мистера Джеффри.

Мне сказали, что за ним послали полицейского, и, услышав, как у дома загремели колёса, я бросился к двери, сгорая от желания его увидеть. Но из экипажа вышла женщина.

Она была так взволнована, что один из полицейских поспешил спуститься и подать ей руку. Пока она опиралась на его руку, я спросил у Хиббарда, который внезапно появился снова, кто это.

Он ответил, что это, должно быть, сестра той, что лежит в доме. Я вспомнил тогда, что в газетных отчётах о свадьбе не раз упоминали мисс Татл. Она приходилась мисс Мур сестрой лишь по одному из родителей, славилась своими дарованиями и была замечательно красива.

Моё любопытство нисколько не убавилось. Позабыв о приличиях, я подошёл почти к самому порогу, который ей предстояло переступить. И тут, к моему удивлению, с другой стороны улицы всё ещё доносились раскаты органа дядюшки Дэвида. Играть в такую минуту, когда в доме, на который он сам обратил внимание полиции, творилось, по всей видимости, что-то серьёзное, — для этого нужно было обладать поистине необыкновенной невозмутимостью. Такое открытое, если не оскорбительное, равнодушие последнего из Муров не расположило меня к нему. Даже от человека с такими мрачными причудами его трудно было ожидать. Я решил узнать о старике побольше, а прежде всего выяснить, какие именно отношения связывали его с несчастной племянницей.

Тем временем мисс Татл вошла в круг света от наших фонарей.

Никогда я не видел женщины прекраснее, и никогда не читал ни на чьём лице столь мучительного горя. Перед таким горем следовало отступить, и я отошёл в сторону. Но вскоре снова шагнул вперёд. Мне слишком хотелось понять её, и держалась она так, что я, искавший ключ к этой необыкновенной трагедии, не мог оставить без внимания противоречивые чувства, которые угадывались в её поведении.

Тут она вскрикнула:

— Сестра! Где моя сестра?

Капитан торопливо шагнул в глубь дома, потом вернулся и уступил ей дорогу в гостиную. Он, несомненно, хотел подготовить её к страшному зрелищу. Но та прошла мимо него прямо к библиотеке и одним прыжком очутилась внутри. Поражённые её решимостью, мы все гурьбой двинулись за ней и, словно любопытные звери, выстроились полукругом у двери. Она нетвёрдой походкой подошла к лежавшей на полу сестре и упала возле неё на колени. Увидев длинную белую ленту, тянувшуюся по полу от запястья сестры, она невольно вскрикнула и резко отпрянула. Мне показалось, в этом крике был весь ужас, на какой способна человеческая душа. Её словно пронзило что-то в самой этой ленте, в том, как она белела на едва ли более белом запястье. Когда же она провела глазами по ленте и увидела на конце смертоносное оружие, она так сжалась от муки, что мы ждали: сейчас она лишится чувств или начнёт бредить. Тем сильнее мы вздрогнули, когда она вдруг резко приказала:

— Развяжите этот узел! Зачем вы оставили на ней эту страшную вещь? Развяжите, говорю вам! Это меня убивает, я не могу на это смотреть!

Её затрясло, и вскоре по всему телу у неё пошла судорожная дрожь.

Капитан было потянулся к ленте, но, поразмыслив, отдёрнул руку.

— Нет, нет, — возразил он. — Мы не можем этого сделать. Пока не приедет коронер, трогать ничего нельзя. Он должен увидеть её такой, какой её нашли. Кроме того, мистер Джеффри тоже вправе её так увидеть. Мы ждём его с минуты на минуту.

Красавица невольно покачала головой, но ничего не сказала. Вряд ли она в ту минуту могла говорить. При упоминании мужа сестры её чувства слегка, но заметно переменились. Она старалась сохранить спокойствие, да только, видно, это было ей не под силу. Чтобы скрыть эту слабость, она порывисто встала. Тут-то мы увидели, как она высока, как идёт ей длинный плащ и как поразительно хороша она вся.

— Это его убьёт, — простонала она глухо. Потом с какой-то нарочитой поспешностью и удивлением, прозвучавшим для меня не вполне естественно, громко обратилась к той, что уже не могла ни услышать, ни ответить:

— О Вероника, Вероника! Зачем тебе было умирать? И почему мы нашли тебя здесь, в комнате, которую ты так ненавидела и которой так боялась?

— Вы не знаете? — спросил капитан с мягкой настойчивостью, на какую редко бывал способен. — Вы хотите сказать, что не можете объяснить гибель вашей сестры? Вы ведь, как мне говорили, жили с ней с самого её замужества?

— Да.

Слово прозвучало резко и отчётливо, почти яростно. Тем труднее было примирить его с тем сдавленным голосом, каким она прибавила:

— Я знаю, что она была несчастлива. С того самого дня, как случившееся в этой комнате омрачило её свадьбу, она так и не была счастлива. Но разве я могла хоть на миг представить, что ужас перед прошлым или страх перед будущим доведёт её до самоубийства? И где — именно здесь! Если бы я могла такое предположить, если бы хоть на миг допускала, что она до этого дошла, неужели я оставила бы её одну, хоть на минуту? Никто из нас не знал, что она думает о смерти. По ней этого нельзя было заметить. Она смеялась, когда я…

Что она хотела сказать? Кажется, капитан тоже задался этим вопросом. Напрасно прождав, пока она договорит, он тихо напомнил:

— Вы не кончили, мисс Татл.

Она вздрогнула и словно вернулась издалека, куда её унесли мысли.

— Я не знаю… Не помню, — запинаясь, проговорила она и тяжело вздохнула. — Бедная Вероника! Несчастная Вероника! Как я скажу *ему*? Как, как нам подготовить *его* к этому?

Капитан воспользовался тем, что она снова упомянула мистера Джеффри, и спросил, где он сейчас. Мисс Татл отвечать не спешила, но, когда капитан повторил вопрос, несколько машинально сказала, что понятия не имеет. У мистера Джеффри много друзей, и он мог провести вечер у любого из них.

— Но уже далеко за полночь, — заметил капитан. — Он часто задерживается допоздна?

— Иногда, — едва слышно признала она. — Два или три раза с тех пор, как он женился, его не было до часу ночи.

Не было ли у молодой жены и другой причины для такого явного разочарования и горя, помимо той, на которую намекала её сестра? Основания так думать, во всяком случае, были.

Может быть, кто-то из нас выдал свои сомнения, потому что она вдруг горячо воскликнула:

— Мистер Джеффри был любящим мужем моей сестре. *Очень* любящим, — подчеркнула она. Потом, страшно побледнев, прибавила: — Я не знала человека лучше. — И умолкла.

Затаённая мука, прозвучавшая в её восклицании, и смущение, выдавшее себя в этой паузе, навели меня на одну догадку. Я был рад услышать, что капитан в следующем вопросе обошёл её стороной.

— Когда вы в последний раз видели сестру? — спросил он. — Вы были дома, когда она вышла из дома мужа?

— Увы! — прошептала она. Потом поняла, что от неё ждут прямого ответа, и сказала, стараясь, чтобы никто не заметил, чего ей это стоит: — Я *была* дома и слышала, как она вышла. Но мне и в голову не пришло, что она пошла куда-нибудь ещё. Я думала, её пригласили на вечер.

— В таком платье?

Капитан указал на пол, и она посмотрела туда. Миссис Джеффри и впрямь была одета не для выезда в свет. Поняв, в какую ловушку угодила, мисс Татл заговорила торопливо, сбиваясь на каждом слове.

— Я не заметила. Она часто носила чёрное. Ей шло. У моей сестры были причуды.

Хуже, гораздо хуже, чем если бы она промолчала. Не всякую оговорку можно поправить. Мисс Татл, кажется, поняла это и резко оборвала себя. А всё-таки держалась она так, что внушала уважение. Уж я-то был готов его ей оказать.

Такая женщина, конечно, встречается не каждый день. И если в её ответах недоставало откровенности, то всё её благородное обличье заставляло забыть о сомнениях. По крайней мере, так она действовала на меня. Разделял ли мои чувства тот, кто её расспрашивал, я не успел понять. Мы оба отвлеклись, потому что она вдруг вскрикнула:

— Её часы! Где её часы? Их нет! Я видела их у неё на груди, а теперь их нет. Они висели вот… как раз вот…

— Погодите! — воскликнул полицейский, который вглядывался в пол. — Это они?

Он поднял к свету маленькую вещицу, всю в сверкающих камнях.

— Да, — выдохнула она и потянулась за часами.

Но полицейский передал их капитану.

— Должно быть, часы сорвались, когда она упала, — заметил тот, наскоро осмотрев сверкающую вещицу. — Видно, булавка, которой она приколола их к платью, держалась плохо.

Он быстро и пристально взглянул на мисс Татл.

— Вы знаете, точно ли шли эти часы?

— Да. Отчего вы спрашиваете? Они…

— Смотрите! — Он повернул часы циферблатом к нам. Стрелки показывали семь часов тринадцать минут. — Час и минута, когда они ударились об пол.

— Стало быть, час и минута, когда упала миссис Джеффри, — закончил Дурбин.

Мисс Татл ничего не сказала, только судорожно вздохнула.

— Ценная улика, — сказал капитан, убирая часы в карман. Потом взглянул на неё мягче: видно было, как она мучается.

— Это совпадает со временем, когда она вышла из дома?

— Не могу сказать. Думаю, да. Было около семи, чуть раньше или позже. Точной минуты не помню.

— Пешком сюда идти минут пятнадцать. Она пошла пешком?

— Не знаю. Я не видела, как она вышла. Моя комната в задней части дома.

— А сказать, одна она вышла или с мужем, вы можете?

— Мистера Джеффри с ней не было?

— Мистер Джеффри был дома?

— Нет.

Это «нет» прозвучало едва слышно.

Капитан заметил это и решился расспросить её дальше.

— Давно он ушёл?

Она приоткрыла губы. Волнение было велико, но ответ прозвучал холодно и с нарочитой точностью.

— Мистера Джеффри весь вечер не было дома. Его и днём дома не было.

— Не возвращался? Его жена знала, что он будет обедать вне дома?

— Она об этом ничего не говорила.

Капитан умолк, и через мгновение я понял почему. В дверях стоял господин. При виде его лица у кого угодно слова застряли бы в горле. Мисс Татл заметила его почти одновременно с нами и с невольным стоном опустилась на колени.

Это был Фрэнсис Джеффри. Он пришёл увидеть свою погибшую жену.

Я был свидетелем многих трагических сцен и видел, как по-разному люди переживают горе, страх и раскаяние. Но в эту страшную минуту в его лице было что-то, чего я не встречал прежде. Думаю, не встречали такого и бывалые полицейские вокруг меня. Правда, он был джентльменом, да ещё и человеком безупречного воспитания, а с такими нам редко приходится иметь дело.

Затаив дыхание, мы ждали, что он скажет.

Он ничуть не метался и не выказывал ни горя, ни потрясения, которых можно было бы ожидать. Напротив, он держался тише всех. Среди множества чувств, отразившихся на его побелевшем лице, я не заметил ни одного, которое мог бы назвать скорбью. И всё же на него было больно смотреть. Мы терялись в догадках: что именно поразило этого явно впечатлительного человека острее всего в таком страшном и внезапном конце недолгой супружеской жизни?

Он смотрел на лежавшее перед ним тело жены, и взгляд его ничего нам не открыл. Когда он подошёл к ней и впервые увидел ленту с пистолетом на конце, даже самые опытные из нас не сумели угадать, что он думал и чувствовал. Ясно было одно. Ему не хотелось прикасаться к женщине, которую он так недавно клялся беречь. Он не сводил с неё глаз, вздрагивал, несколько раз пытался заговорить. Но даже опустившись рядом на колени, он не протянул к ней руки и не уронил ни слезинки на её лицо, с такой беззащитностью обращённое к нему, словно она ждала, когда он на неё взглянет.

Вдруг он вскочил.

— Ей непременно надо оставаться здесь? — спросил он, оглядываясь в поисках того, кто здесь распоряжался.

Капитан ответил вопросом:

— Как, по-вашему, она вообще здесь очутилась? Чем вы, её муж, можете объяснить такое странное самоубийство?

В ответ мистер Джеффри, человек необыкновенно красивый, достал маленький скомканный клочок бумаги и сразу передал его капитану.

— Пусть она объяснит сама, — сказал он. — Я нашёл эту записку у нас в комнате наверху, когда сегодня вечером вернулся домой. Должно быть, она написала её перед тем, как… перед тем…

В наступившей паузе раздался сдавленный стон. Губы мистера Джеффри были плотно сжаты. Стон вырвался у женщины, сжавшейся среди нас. Услышал ли он её? До сих пор он ничем не показал, что даже заметил её присутствие. По-видимому, нет. Он смотрел на капитана, который при свете фонаря, поднятого одним из сыщиков, медленно читал почти неразборчивые строки, названные мистером Джеффри последними словами его жены.

Тронут ли вас эти строки на бумаге так же, как тронули нас, когда мы услышали их там, в комнате, полной страшных воспоминаний, рядом с покойной?

«Я поняла, что люблю тебя не так, как мне казалось. Я не могу жить, зная это. Молю Бога, чтобы ты простил меня.

ВЕРОНИКА»

Из угла донёсся судорожный вздох. Потом стало тихо. Мы были рады снова услышать голос капитана.

— Женское сердце — великая загадка, — заметил он, бросив короткий взгляд на мистера Джеффри.

Мы все могли с ним согласиться. Ведь в этих нескольких строках она писала, что не может любить человека, которого большинство женщин сочли бы воплощением всего достойного восхищения и любви.

Всем было ясно, что одна женщина именно так на него и смотрела. Если сердце когда-нибудь выдавало себя на человеческом лице, то в тот миг оно выдало себя на лице мисс Татл. Она смотрела, как муж её сестры старается взять себя в руки рядом с телом женщины, которой ещё несколько часов назад завидовали все светские барышни Вашингтона. Мне трудно было сосредоточиться на следующем вопросе, хотя любая мелочь могла оказаться важной, если моя версия когда-нибудь подтвердится.

— Как вышло, что вы стали искать здесь жену, оставившую вам такое неопределённое прощание, которое мало что объясняет? Здесь ни слова о том, где она собиралась покончить с собой.

— Нет, нет! — Даже этот сильный человек отшатнулся от такой мысли. Он обвёл глазами зловещую комнату и наконец остановил взгляд на камине, над которым тяжёлой тенью висела такая страшная тайна. — Она ни слова не сказала о своих намерениях. Ни слова! Но тот, кто за мной пришёл, сказал, где её нашли. Он ждал меня у моего дома. До этого он искал меня по всему городу. Мы встретились на крыльце.

Капитан принял это объяснение без возражений. Я был этому рад. Но сам я видел в деле несообразности и втайне считал своим особым долгом их распутать.

V. Хозяин и пёс

В ту ночь мне уже не довелось наблюдать за тремя главными действующими лицами необыкновенной драмы, разворачивавшейся на моих глазах. Капитан дал мне поручение, пришлось уйти из дома, и я пропустил следующую сцену — приезд коронера. Зато я наверстал упущенное другим способом. Как мне представлялось, важность моей версии вполне оправдывала этот шаг. Если в управлении придут к выводу, что здесь совершено убийство, пригодится всякая улика, которая могла бы подкрепить обвинение.

Заметив, что у дядюшки Дэвида ещё горит свет, я перешёл улицу и позвонил. В ответ раздался низкий, протяжный вой. Его тотчас оборвало приветливое слово хозяина. Это меня удивило. Я столько слышал о том, как неприветливо мистер Мур встречает гостей, что ждал отпора. Но он не выказал ни малейшей враждебности. Он и брови не нахмурил, улыбался благодушно, снисходительно. Похоже, он даже хотел, чтобы я вошёл. Он благосклонно глянул на Раджа, который обрадовался нежданному разнообразию в своей жизни и лишь боялся, что хозяину эта радость придётся не по нраву. Снова заинтригованный этим человеком, в котором уживались такие противоречия, я прошёл за ним в комнату.

Пора описать этого странного человека подробнее. Мистер Мур был высок и сухощав с той особенной утончённостью, какую нередко видишь у учёных. Вот только взгляд у него был совсем не учёный. Глядел он быстро, почти насторожённо. Открытой злобы или недоброжелательства в его взгляде не было, но под ним становилось отчего-то не по себе. Седые, цвета стали, волосы он носил довольно длинными. Из-за этой причуды и неизменной привычки всюду брать с собой пса за ним с интересом наблюдали уличные мальчишки. За чудачества они прозвали его дядюшкой Дэвидом, хоть у него и были связи среди аристократов и держался как подобает джентльмену. Даже одежда у него была под стать всему остальному. Она отличалась покроем от той, что носили другие мужчины. Тут, как и во многом, он сам устанавливал себе правила. Особенно ясно это видно на одном примере.

Один день в году он чтил свято и проводил всегда одинаково. Много лет назад у него была жена, которая понимала и любила его. Он этого не забыл. Раз в год, по всей видимости в годовщину её смерти, он отправлялся на кладбище и проводил весь день в тени надгробия, поставленного в её память. Какова бы ни была погода и как бы он себя ни чувствовал, в семь часов его неизменно видели там. Он прислонялся к столбу, на котором было высечено имя жены, и ужинал в обществе пса. Этого обычая он не нарушал ни разу. Мальчишки и кое-кто из любопытных соседей так хорошо о нём знали, что зрителей ему всегда хватало. Но горе тому, кто отважился бы ступить на участок, который он считал своим, или осмелился бы выкрикнуть что-нибудь насмешливое. Стоило ему глянуть на Раджа, как пёс бросался вперёд, и толпу мигом как ветром сдувало. Впрочем, прибегать к такой крайности ради тишины у могилы ему приходилось редко. Обычно ему давали спокойно доесть и уйти без насмешек, пусть даже на ходу он ещё дожёвывал последний лакомый кусочек. Часто на его морщинистых щеках виднелись крупные, ещё не высохшие слёзы.

Вот одна из его причуд, по которой можно судить и о прочих.

Достаточно было взглянуть на комнату, куда он меня ввёл, чтобы понять, отчего он так не любил гостей. Пустота её была почти тягостна. Если бы не причудливый вид тех немногих вещей, что там были, обстановка меня бы просто оттолкнула, так резко она, нищая, отличалась от изысканных манер хозяина. Принимай он меня во дворце, держаться изысканнее он, уверен, не смог бы. Только орган, по всему видно самодельный, говорил здесь о роскоши или хотя бы об удобстве.

Впрочем, довольно подробностей, которые, быть может, никого не занимают. Да я и сам заметил их лишь мимоходом, пока ждал, что хозяин заговорит. Он так и сделал, едва понял, что первым я говорить не собираюсь.

— Ну что, нашли кого-нибудь в старом доме? — спросил он.

Не спуская с него глаз, я нарочно ответил резко:

— Вот она и сходила туда на свою беду!

Он уставился на меня, как актёр, знающий, что от него ждут удивления.

— Она? — переспросил он. — О ком это вы?

Эта дерзкая попытка прикинуться простаком меня будто бы удивила. Надеюсь, я сыграл получше него.

— Вы не знаете? — воскликнул я. — Неужели можно жить напротив дома, о котором столько всего рассказывают, и ни разу не полюбопытствовать, кто входит в пустой дом и кто из него выходит?

— Я у окна на улицу не сижу, — раздражённо ответил он.

Мой взгляд скользнул к креслу, которое стояло подозрительно близко к этому самому окну.

— Но свет-то вы увидели?

— С порога. Я вышел, как обычно, дать Раджу подышать минут пять на крыльце. Но вы не ответили. Вы сказали — «*она*». Кого вы имели в виду?

— Веронику Джеффри, — ответил я. — В девичестве Мур. Она в последний раз побывала в своём доме с привидениями.

— В последний раз! — То ли он не мог меня понять, то ли не хотел.

— Что случилось с моей племянницей? — воскликнул он и вскочил так порывисто, что потревоженный пёс, понурив голову и опустив хвост, убрался под стол на своё привычное место. — Уж не встретила ли она привидение в этих мрачных покоях? Вы меня чрезвычайно заинтриговали. Мне и в голову не приходило, что после случая на свадьбе у неё хватит духу снова туда пойти.

— А у неё хватило, — заверил я. — И не только войти туда, но и войти одной. Во всяком случае, так мы пока полагаем. Если бы вы были любопытнее да садились почаще в это кресло, из которого так удобно смотреть на дом напротив, вы, возможно, могли бы нас поправить. Полиции очень помогло бы точно знать, что во время рокового визита её никто не сопровождал.

— Рокового? — повторил он, просунув палец за воротник, который, видно, вдруг стал ему тесен. — Неужели моя племянница умерла со страху в этом старом доме? Вы меня пугаете.

Испуганным он не выглядел, впрочем, его вообще нелегко было взволновать. И всё-таки он был таким же человеком, как мы с вами. Если он и впрямь знал о случившемся так мало, как хотел показать, следующие мои слова вряд ли оставили бы его равнодушным.

— У вас есть повод испугаться, — согласился я. — Она умерла не от страха, но лежит мёртвая на полу в библиотеке. — Потом обвёл взглядом окна и как бы между прочим прибавил: — Полагаю, выстрела оттуда в этой комнате не слышно.

Он опустился в кресло довольно театрально, но ни его лицо, ни осанка не утратили того достоинства, которым он так неожиданно проникся и которое я замечал в нём с самого своего прихода.

— Я потрясён этой вестью, — сказал он. — Она застрелилась? Почему?

— Я не говорил, что она *сама* в себя стреляла, — осторожно напомнил я. — Всё, однако, на это указывает, и мистер Джеффри в самоубийстве не сомневается.

— А, мистер Джеффри уже там!

— Разумеется. За ним сразу послали.

— А мисс Татл? Она, конечно, приехала с ним?

— Она приехала, но без него. Она очень любит сестру.

— Надо сейчас же туда пойти! — воскликнул он, снова вскакивая и ища глазами шляпу. — Мой долг позаботиться, чтобы они чувствовали себя как дома. Одним словом, чтобы… чтобы дом был в их распоряжении. — Тут он нашёл шляпу и надел её. — Ведь имение теперь моё, знаете ли, — учтиво пояснил он. Он повернулся ко мне, в серых глазах блеснул огонёк, и передо мной предстал во всём своём величии человек, неожиданно получивший то, что считал своим по праву. — Отец миссис Джеффри был моим младшим братом. История давняя и долгая. Имение, которое по справедливости надо было разделить между нами, целиком досталось ему. Но он, в сущности, был славным малым и не хуже меня понимал, как несправедливо рассудил наш отец в своём завещании. Много лет назад брат составил собственное и отписал мне всё имение на случай, если умрёт бездетным или его дети умрут. Вероника была его единственным ребёнком. Вероника умерла. Следовательно, старый дом мой, и всё, что к нему прилагается. *Всё, что к нему прилагается*.

Он повторил и без того недвусмысленные слова с таким торжеством, какое бывает у скряги, или, вернее, у человека, внезапно разбогатевшего после целой жизни в бедности. Бросалось в глаза и то, как мало его задела нежданная гибель племянницы. Я счёл, что вправе обратить на это внимание.

— Вы приняли её смерть очень спокойно, — заметил я. — Должно быть, и прежде замечали за ней странности.

Он уже занёс ногу, чтобы преподать урок псу, который имел неосторожность подняться при первом же движении хозяина. Но нога замерла в воздухе: старик хотел сосредоточиться на ответе.

— Я не склонен к сантиментам, — холодно заверил он. — За всю жизнь я любил лишь одного человека. С чего же мне оплакивать племянницу, которой я был так мало дорог, что она даже не пригласила меня на свадьбу? Притворяться было бы недостойно человека, который наконец занял подобающее ему место в обществе, став хозяином славного имения Муров. И оно ещё каким славным будет, — веско продолжал он. — Через три года вы не узнаете вон тот дом. При всех его мнимых привидениях и смертоносном камине он станет первым домом в Вашингтоне. Это вам обещаю я, Дэвид Мур. А я пустых пророчеств не делаю. Но там, верно, уж спохватились, где я. — Тут он наконец пнул мастифа. — Радж, останешься здесь! В передней напротив холод собачий. Да и вой твой сегодня в этих старых стенах никому не нужен, даже если бы ты пошёл со мной, в чём я сомневаюсь. Он никогда не хотел переходить на ту сторону улицы, — с первым проблеском раздражения пожаловался старик. — Но придётся ему скоро оставить свои предубеждения, пусть даже мне ради этого придётся выворотить старую плиту у камина и переложить стены. Без Раджа я жить не могу, а жить где бы то ни было, кроме старого дома моих предков, не стану.

Я пошёл за ним к выходу.

— Вы так и не ответили на то, о чём я только что заговорил, — рискнул я напомнить. — Позволите теперь спросить прямо? Казалось, у вашей племянницы, миссис Джеффри, было всё, что нужно для счастья, однако она лишила себя жизни. В её роду бывали случаи помешательства? Или она была до того порывиста, что такая внезапная смерть в таком жутком месте вас почти не удивляет?

Он оглянулся на меня из открытой двери. В его глазах мелькнуло то самое выражение, которого побаивались даже мальчишки, ходившие за ним по пятам и дразнившие его с почтительного расстояния. Но он тут же скрыл неудовольствие и ответил с едва уловимой насмешкой:

— Вот видите! Вы ждёте от меня чувств, какие бывают у молодых или у людей, у которых сердца куда больше, чем ума. Говорю же, у меня чувств нет. Племянница моя, может статься, сошла с ума, а может, в свои двадцать два года уже осушила чашу удовольствий и раньше

времени добралась до горького осадка. Не знаю, да мне и всё равно. Меня занимает другое. На меня самым неожиданным образом свалилась ответственность за большое состояние, и во мне достаточно гордости, чтобы доказать, что я справлюсь с этой ношей. Да ещё, чего доброго, им там вздумается портить стены или полы. Полиция не уважает ничьей собственности. Мою, однако, ей придётся уважать. Ничего взламывать и разбирать я не позволю, если сам не буду стоять над ними и смотреть, что они делают. Теперь я хозяин старого дома и намерен это показать.

Он бросил последний взгляд на пса, который ответил жалобным воем, закрыл парадную дверь и пошёл на другую сторону улицы.

Я смотрел, как уверенно он шагнул в мрачный дверной проём. По его собственным словам, столько лет двери этого дома были для него закрыты. А я всё гадал, такая ли свеча лежала у него на каминной полке, того же ли размера, что и те, которые я недавно нашёл в доме, куда он теперь вошёл.

VI. Толки

Наутро весь город был взбудоражен. Все жгучие вопросы дня — спешный сбор войск, скорое, как ожидалось, наступление на Кубу — разом забылись. Всех занимала гибель молодой миссис Джеффри и страшные обстоятельства, при которых она погибла. Ни о чём другом не говорили и мало о чём другом думали. Она была молода, заметна в свете, вышла за человека столь обаятельного, как мистер Джеффри, а трагедию, которой была омрачена её свадьба, затмила другая, ещё более страшная, так внезапно оборвавшая её собственную жизнь. В первые сутки интерес был и без того так велик, что подогревать его преждевременными догадками об убийстве не было нужды.

Хоть я и был героем дня и меня, как героя, засыпали бесчисленными вопросами, тут я держался той же линии, что и начальство, и старательно воздерживался от всяких предположений, кроме очевидного — о самоубийстве. Выдвигаться на первый план было рано. Ни майор, ни, смею сказать, лейтенант моего участка пока не настолько мне доверяли, чтобы я мог высказаться раньше времени и тем поставить под угрозу победу, на которую в конце концов рассчитывал.

В управлении у меня был враг. Вернее, там служил человек, которого, казалось, особенно занимало, как бы выставить меня в дурном свете. Звали его Дурбин. Это он в ту первую ночь обронил что-то пренебрежительное, когда я попробовал обратить внимание капитана на кое-какие мелочи, показавшиеся мне уликами. Может, именно надежда когда-нибудь его удивить и заставляла меня теперь и держать ухо востро, и собирать всё, что было известно о Джеффри. Первым делом я принялся листать подшивку «Стар» и перечитал следующий отчёт о громкой свадьбе. Писали о сенсации и писали сенсационно. Нет нужды оправдывать заголовки, которые в тот вечер потрясли весь Вашингтон.

ПОТРЯСАЮЩИЙ КОНЕЦ СВАДЬБЫ ДЖЕФФРИ И МУР

СТАРИННОЕ ПРОКЛЯТИЕ СБЫВАЕТСЯ, ЕДВА ОТКРЫВАЮТ ДОМ НА УЭВЕРЛИ-АВЕНЮ

ОДНОГО ИЗ ГОСТЕЙ НАХОДЯТ МЁРТВЫМ НА КАМИННОЙ ПЛИТЕ В БИБЛИОТЕКЕ

ПО ПИСЬМАМ В КАРМАНЕ ОПОЗНАН НЕКИЙ У. ПФАЙФФЕР ИЗ ДЕНВЕРА

СТРАШНАЯ НАХОДКА НЕ ПРЕРЫВАЕТ ЦЕРЕМОНИИ, НО ЕДВА МОЛОДЫЕ СОЧЕТАЮТСЯ БРАКОМ, ГОСТИ РАЗБЕГАЮТСЯ КТО КУДА

Празднество по случаю бракосочетания мисс Вероники Мур и мистера Фрэнсиса Джеффри из нашего города было сегодня омрачено потрясающим происшествием. Как известно большинству наших читателей, давно закрытый дом на Уэверли-авеню, почти сто лет принадлежавший семье невесты, открыли для торжества по её настоятельному желанию. Приготовления к нему шли целую неделю. Сегодня рано утром перед историческим особняком выстроился ряд экипажей, и участники свадьбы вступили в дом через некогда угрюмый, а теперь словно торжествующий парадный вход. Толпа запрудила улицу от тротуара до тротуара. Таков был интерес жителей Вашингтона к дерзкой попытке бросить вызов преданиям, из-за которых особняк столько лет стоял одиноко, весёлым праздником заставить забыть прошлое и вернуть к жизни потускневшее великолепие минувших времён. Мисс Мур — одна из очаровательнейших женщин Вашингтона, и романтическая её затея, естественно, придавала свадьбе особую прелесть. На церемонию собралось множество видных людей нашего города, и к полудню зрелище было на редкость блистательное.

Залы, годами ветшавшие в ненарушимой тишине, снова оглашались смехом и оживали под дивные звуки оркестра морской пехоты. Все двери, кроме библиотечной, были открыты. Это исключение придавало торжеству приятную остроту. Когда же кое-кого из гостей помо-

ложе заставали за тем, что они заглядывали за две коринфские колонны, стерегущие запретный вход, о прошлом вспоминали лишь на миг, и тень тотчас рассеивалась.

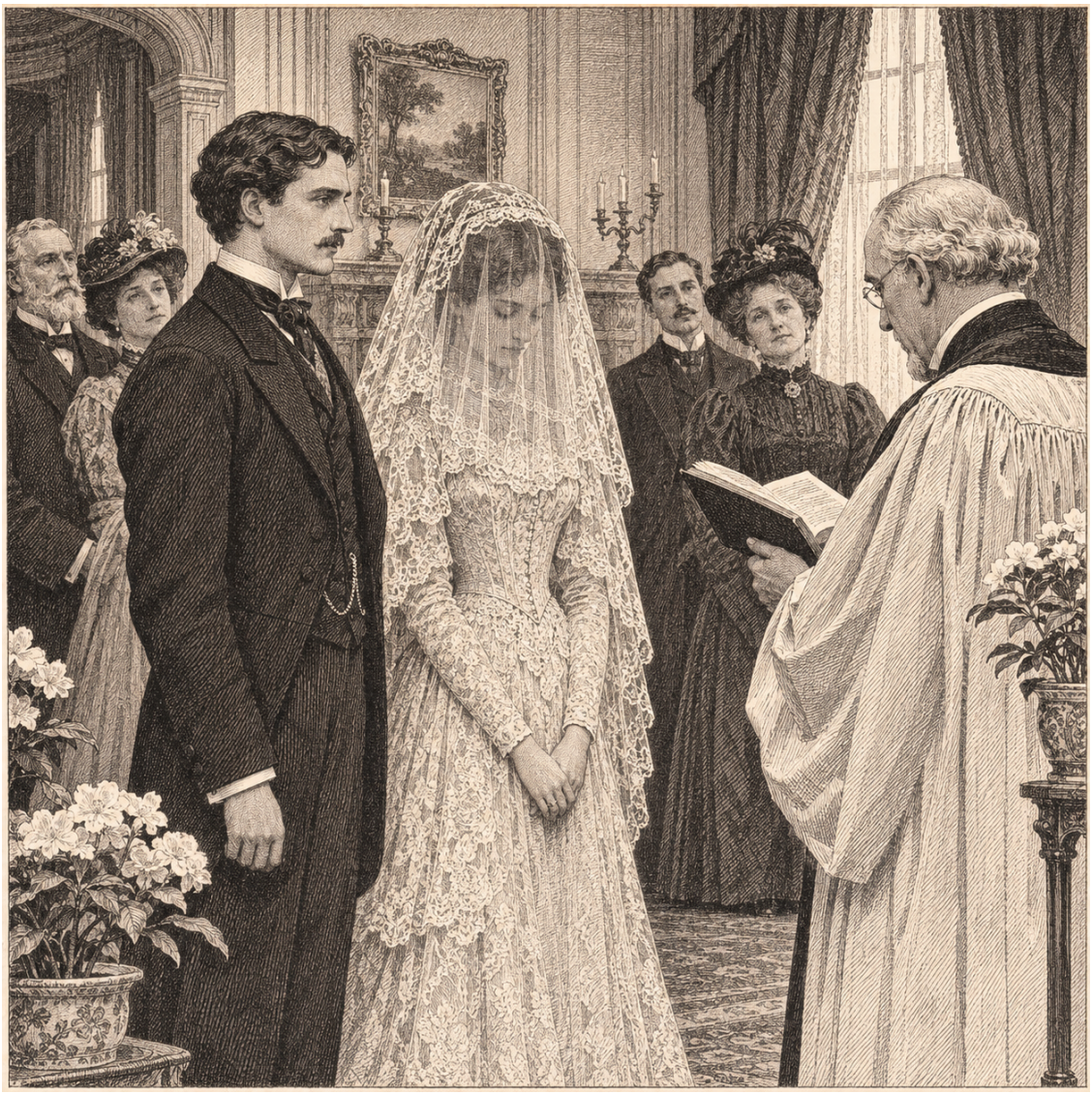
Венчание было назначено ровно на полдень. Едва часы в гостиной пробили двенадцать, все вытянули шеи, чтобы первыми увидеть невесту на старинной лестнице. Прошло пять минут, десять, полчаса, а она всё не появлялась. Гости наверху и внизу уже начинали волноваться, как вдруг из-за позолоченных колонн у дверей библиотеки донёсся крик, и оттуда выбежала барышня, бледная и дрожащая от ужаса. Это была мисс Эбботт со Стратфорд-сёркл. В ожидании невесты любопытство в ней пересилило страх. Она заглянула в комнату, манившую её, словно покои Синей Бороды, и увидела вытянувшегося на краю каминной плиты мужчину, без чувств и, по всей видимости, мёртвого. Ужас, мгновенно охвативший гостей, свидетельствует о том, какую власть суеверие имеет над людьми всякого звания. К счастью, непристойной паники удалось избежать: все понимали, что нужно хоть как-то держать себя в руках, пока не завершится церемония, ради которой они собрались. Как раз в ту минуту, когда в библиотеке обнаружили мёртвого, сверху донёсся шум приближавшейся свадебной процессии. Крики стихли, гости совладали с волнением, и между рядами цветущих растений, которыми была убрана лестница, показалась мисс Мур, очаровательная лицом и станом. Ни к чему было передавать шёпотом: «Пощадите невесту! Пусть до той минуты, когда она станет женой Джеффри, её окружает одна лишь радость!» Её лицо светилось таким счастьем, и вся она была так сказочно хороша, что даже самый беспечный или себялюбивый человек не решился бы омрачить ей путь ни минутой раньше, чем это стало бы неизбежно. Роскошная фамильная фата закрывала её лицо, а естественная робость невесты не позволяла ей поднять глаза от пола. Так она и не заметила странных взглядов, которыми её встретили, и прошла через всю церемонию в счастливом неведении о том, каких усилий стоило взбудораженной толпе держать себя в руках.

Подругам невесты повезло меньше. Мисс Татл в особенности держалась на ногах одной лишь силой воли. Она была ослепительно красива и так мучилась тревогой за невесту, что едва ли кого удивило, когда в конце церемонии она упала в обморок.

Мистер Джеффри держался спокойнее, однако от внутреннего волнения не раз сбивался с ответа. Это заметили многие из тех, кто ещё мог думать о чём-то, кроме бегства.

Один доктор Окинклосс сохранял полное присутствие духа. Торжественным тоном он сдерживал гул, уже поднимавшийся в дальних рядах. Но даже его влияние длилось лишь до благословения. Едва священные слова были произнесены, гости так ринулись вон, что невеста явно испугалась, и объяснить ей причину столь изумительного поведения пришлось мистеру Джеффри. Она приняла известие стойко, если принять во внимание все обстоятельства. Когда же она вполне убедилась, что несчастный, чья внезапная смерть прервала торжество, был в доме посторонним и совершенно незнакомым как ей, так и её новоиспечённому мужу, она заметно повеселела. Однако, как и все прочие, она, по-видимому, спешила покинуть дом и уехала, едва состояние мисс Татл это позволило.

Многие видят дурное предзнаменование в том, что невеста венчалась без свадебного букета. Не желая дольше испытывать терпение гостей, она спустилась без него.



Венчание без букета

О покойном известно немного. Найденные при нём письма удостоверяют, что звали его У. Пфайффер и что жил он в Денвере. Чем объяснить его присутствие в доме мисс Мур в столь неурочный час, неизвестно. В списке приглашённых на свадьбу такого имени нет. Ни мистер Джеффри, ни те из родственников и знакомых мисс Мур, кто отважился войти в библиотеку и взглянуть на покойного, не узнали в нём никого из её друзей.

Если не считать тёмного пятна на виске, куда пришёлся удар о каменную плиту, покойный выглядит человеком отменного здоровья, отчего внезапная его кончина кажется ещё более потрясающей.

Его имя обнаружено в книге постояльцев отеля «Нэшнл».

Перелистывая подшивку дальше, я наткнулся на следующую депешу из Денвера:

Весть о внезапной смерти в Вашингтоне Уоллеса Пфайффера, одного из самых известных и уважаемых наших сограждан, глубоко опечалила всех, кто знал его и его несчастную мать. Из троих её сыновей он оставался последним. Все трое умерли в течение года. С кончиной Уоллеса она осталась вовсе без средств. О намерении мистера Пфайффера посетить Вашингтон здесь никто не знал. Полагали, что он отправится совсем в другую сторону: он говорил нескольким знакомым, что у него дела в Сан-Франциско. Появление его в доме мисс Мур в

разгар свадьбы, к которой, по общему мнению, он не имел никакого личного отношения, люди, знавшие его склонности, объясняют следующим образом. По роду занятий он был торговцем, а в последнее время работал на приисках Клондайка, но живо интересовался оккультными явлениями и твёрдо верил во всевозможные проявления сверхъестественного. Возможно, он слышал о дурной славе дома Муров в Вашингтоне и, увлечённый этой загадкой, воспользовался тем, что двери были открыты и при таком стечении людей царила суматоха, чтобы войти в старый особняк и самому осмотреть роковую библиотеку. В пользу этой догадки говорит то, что его нашли в уединении именно в этой комнате, когда все остальные в доме теснились, стараясь увидеть невесту. Внезапная же смерть при обстоятельствах, столь способных взбудоражить воображение, свидетельствует о крайней чувствительности его натуры.

Похоронен он будет здесь.

Следующая заметка была короткой. Свежие новости уже вытесняли сенсацию трёхдневной давности.

Заключение по делу Уоллеса Пфайффера, найденного мёртвым на каминной плите в библиотеке старого дома Муров.

Сотрясение мозга, которому предшествовало душевное потрясение или сердечный приступ.

Тело сегодня отправлено в Денвер.

И ниже, почти вплотную:

Мистер и миссис Фрэнсис Джеффри решили отказаться от свадебного путешествия и провести медовый месяц в Вашингтоне. Они поселятся в доме Рэнсомов на улице Кей.

Последняя заметка вернула меня к вопросу, который тогда не давал мне покоя. Не в доме ли молодожёнов, не в тайных страстях, которые, возможно, скрывались за их союзом, следовало искать причину того убийства, какое я про себя подозревал за видимостью самоубийства? Или оба они были невиновны, а единственным виновником трагедии был старый Дэвид Мур, который в итоге разбогател, пока они лишились состояния? Вопрос, безусловно, весьма серьёзный и важный. Всякому простительно попытаться на него ответить, особенно молодому сыщику, которому тягостна собственная безвестность и который мечтает, что признание принесёт ему славу и средства жениться на одной умной, но лукавой проказнице, о которой вам ещё предстоит услышать.

Только как этому молодому сыщику, который так боится показаться смешным и ещё ничем не успел себя зарекомендовать, повести расследование дальше, если без особого расположения начальства ему нужных полномочий не получить? Я без конца задавал себе этот вопрос и так и не находил ответа.

Правда, я мог бы подойти к капитану или майору и рассказать об отметинах, которые нашёл в пыли на каминной полке в юго-западной спальне. Если бы мне повезло и другие сыщики их проглядели, я мог бы добиться, чтобы меня выслушали и предоставили мне те возможности, которых я так хотел. Но я был настолько самолюбив, что сперва хотел точно установить, чья рука оставила следы. Стоит мне выдать эту тайну, и она либо сделает мне имя, либо погубит меня. Между тем даже короткого разговора с кем-нибудь из главных участников дела трудно было добиться без помощи одного, а то и обоих моих начальников. Даже вернуться в дом, где ещё несколько часов назад я распоряжался как у себя, требовало известной храбрости. Там поставили Дурбина, а уж этого сторожевого пса я побаивался: он мог и облаять, и укусить. И всё же рано или поздно я должен был туда попасть, хотя бы чтобы узнать, мне ли одному бросились в глаза улики, явно указывавшие на убийство. Не положиться ли пока на счастливую звезду и не сидеть ли тихо? Мысль показалась мне разумной, и я решил так и сделать. В утешение я говорил себе, что, если за день-другой терпеливого ожидания ничего не добьюсь, всегда смогу обратиться к лейтенанту своего участка. Порой мне казалось, что он смотрит на меня отнюдь не без расположения.

Пока же я всё свободное время околачивался возле редакций и подбирал обрывки пересудов. Поскольку ни о чём более серьёзном, чем самоубийство, ещё не заговаривали, толковали по большей части о чудачествах Муров и об одиночестве мисс Татл, внезапно лишившейся единственной родственницы. Эта красивая, блистательная молодая женщина прежде слыла первой красавицей в своём кругу да и теперь оставалась ею. То, что она очутилась без крова, если не вовсе без средств, давало повод для множества догадок. Выйдет ли она замуж? И если выйдет, кому из множества богатых или видных мужчин, открыто за ней ухаживавших, отдаст руку? При тогдашнем моём самомнении я втайне льстил себе, будто рассудил верно: никому она не скажет «да», пока у одного недавнего вдовца не истечёт год траура.

Однако уверенность моя несколько пошатнулась после тихого разговора с одним газетчиком. По его словам, те, кто решался говорить открыто, утверждали, что между мистером Джеффри и красавицей мисс Татл прежде несомненно что-то было, но все нити этой связи сплела она сама. От старшей сестры его отвлекла сама Вероника Мур, а вовсе не её немалый доход. Мне это казалось неправдоподобным. Бедняжка невеста красотой не могла сравниться с сестрой, которая была старше. Но ведь красота — не единственное, что влечёт. С тех пор мне случалось слышать от многих, что едва заметное подёргивание губы, свойственное всем Мурам, было у несчастной Вероники неотразимо: когда она смеялась, лицо её прямотаки сияло. А смеялась она, по их словам, нередко, пока ей не пришла охота венчаться в злополучном доме предков.

Несколько строк, в которых она пыталась объясниться с мужем, кажется, никого не убедили. Для тех, кто хорошо знал молодую пару, они служили бесспорным доказательством её помешательства. Те же, кто был с ними мало знаком, как и вся остальная публика, видели в записке способ, к которому прибегла женщина, чтобы выразить разочарование в муже.

Чтобы легче разобраться, у какой из этих двух версий больше оснований, я воспользовался тем, что после обеда был свободен, и съездил в Александрию, где, как мне говорили, мистер Джеффри ухаживал за будущей женой. Видите ли, я хотел послушать местные толки и наслушался вдоволь. Весь город ими жил. Я не стал объявлять, что служу в сыске, чтобы не восстановить людей против себя, и без труда узнал много мелких подробностей. Если собрать их вместе и изложить по порядку, получится вот что.

У Джона Джадсона Мура, отца Вероники, было меньше странностей, чем у прочих членов этого своеобразного семейства. И всё же, по общему мнению, в нём сказалась родовая независимость Муров, когда в жёны он выбрал вдову, у которой уже был ребёнок и которую вдобавок считали самой невзрачной женщиной во всей Виргинии. А ведь ему стоило только захотеть, и он мог бы жениться на любой красавице Юга. Со временем, однако, у этой женщины, на которую прежде смотрели свысока, обнаружились и добродетели, и светский такт, вполне подобавшие хозяйке большого дома. Тогда ему простили отсутствие вкуса. О его странностях почти не заговаривали вплоть до смерти его жены. Тогда, видя, как слаба здоровьем дочь, он составил завещание в пользу брата. Сколько радости оно впоследствии доставило тому господину, мы уже знаем.

Почему это решение так не понравилось их друзьям, молва умалчивает. Но оно явно им не нравилось: все вокруг обрадовались, когда Вероника вдруг окрепла и надежда Дэвида Мура унаследовать заветное имение почти исчезла. Радость оказалась недолгой. Джон Джадсон последовал за женой в могилу, прежде чем Веронике исполнилось десять, оставив её и её сестру по матери Кору на попечение нелюдимого старого холостяка, который прежде служил поверенным его отца. Поверенный был угрюм и сварлив, но по-настоящему жесток к ним не бывал. Два года сёстры жили, по-видимому, вполне счастливо. Потом их внезапно и довольно решительно разлучили. Веронику отослали в пансион на западе, где она оставалась до семнадцати лет и, судя по всему, ни разу не приезжала на восток. Всё это долгое время мисс Татл жила в Вашингтоне и под руководством учителей выросла образованной, светской женщиной.

Опекун Вероники, которому одному было поручено исполнить завещание, обходился довольно сурово с юной владелицей большого состояния. К её сестре-бесприданнице он был на удивление щедр. Может быть, этот замкнутый, сварливый человек в глубине души надеялся, что красота и приобретённые умения помогут ей скоро найти мужа в том блестящем обществе, в котором она оказалась как у себя дома.

Но угодить Коре Татл было нелегко. Самые видные мужчины Вашингтона сменяли друг друга, и ни один из них её особенно не занимал, пока она не встретила Фрэнсиса Джеффри, который покорил её одним взглядом.

Те, кто помнит её той зимой, говорят, что под его влиянием она из красивой женщины сделалась очаровательной. И всё же о помолвке не объявляли. Свет гадал, что мешает Фрэнсису Джеффри сделать предложение такой завидной невесте, пока домой не вернулась Вероника Мур. Тогда вопрос отпал навсегда.

Веронике было уже почти восемнадцать, и за годы отсутствия она расцвела. Красотой она уступала сестре, зато лицо у неё было живое и приятное, а характер — с такой остринкой, что её девичьи черты не казались пресными и беседа с ней была остроумной, если не блестящей. Но когда Фрэнсис Джеффри перестал ухаживать за мисс Татл и со всей откровенностью, нисколько, по-видимому, не стыдясь, принялся ухаживать за этой хорошенькой бабочкой, его поступку нашли одно объяснение — охота за приданым. Доход у него был скромный, но верный. До той поры он, кажется, был вполне доволен своим положением, что внушало уважение, а ухаживания за мисс Татл казались вполне естественными и уместными. Но стоило Веронике блеснуть глазами, как он очутился у ног молодой наследницы и стал добиваться её так настойчиво и поспешно, что через два месяца они обручились, а через полгода поженились. О том, чем это кончилось, только что узнал весь город.

Вот что толковали повсюду. Теперь о том, что знали немногие.

Один господин, называть которого незачем, присутствовал в решительную минуту жизни этих троих. Сплетничать он не любил. Сложись всё благополучно, останься Вероника жива, выйди Кора замуж, он бы никогда не обмолвился о том, что увидел и услышал однажды вечером в большом салоне одного отеля в Атлантик-Сити.

Это было вскоре после объявления о помолвке Джеффри с молодой наследницей. Помолвка и прежние его ухаживания за Корой вызвали немало толков и в Вашингтоне, и за его пределами. Нашлись и такие, кто открыто попрекал его за кажущееся непостоянство. Происходило это, конечно, за рюмкой, и от так называемых друзей и приятелей Джеффри сносил подобные замечания довольно спокойно. Но однажды вечером в салоне большого отеля в Атлантик-Сити какой-то тип, которого никто не знал и никто не любил, бросил ему, что уж он-то знает, где выгода, и что искать её следует явно не там, где красота и дарования. Джеффри вспылил. Не заботясь о том, кто может его услышать, он высказался начистоту:

— Все вы одного поля ягоды, поклоняетесь деньгам и думаете о собственной выгоде. Иначе вы бы так охотно не усматривали корысти в моём восхищении мисс Мур. Мне неприятно говорить о своих чувствах при всех, но раз уж вы меня вынуждаете, скажу раз и навсегда. Я без памяти влюблён в мисс Мур и женюсь на ней единственно поэтому. Будь она такой же бесприданницей, как её сестра, а мисс Татл — гордой обладательницей богатства, которое в ваших глазах так возвышает мисс Мур, вы всё равно увидели бы меня у ног мисс Мур, и только у её ног. Чары мисс Татл не властны над сердцем, которое покорила улыбка её сестры.

Сказано было достаточно резко. Но когда при его последних словах в углу поднялась высокая фигура и Кора Татл, поклонившись, прошла мимо потрясённых мужчин, ручаюсь, каждый из них пожелал очутиться за сотню миль оттуда.

Сам Джеффри был сконфужен и хотел было пойти за женщиной, которой только что пренебрёг при всех. Но она оглянулась на него так, что этот взгляд запоминался надолго, и он замешкался. Да и что ему оставалось сказать или сделать? Признание прозвучало с беспо-

щадной откровенностью, и уже ничего было не изменить. Она же держалась безукоризненно. Насколько известно, она потом ни словом, ни взглядом не выдала, что её гордость, если не сердце, глубоко ранил единственный мужчина, которого она обожала.

Под впечатлением этой истории я вернулся в Вашингтон. Я узнал о семье всё, что было на виду. Но что происходило за закрытыми дверями? Кто это знал? Да и знал ли хоть кто-нибудь? Даже человек, поведавший мне об этой *неловкой сцене* в гостинице, не мог с уверенностью сказать, что стояло за горячей защитой женщины, на которой мистер Джеффри решил жениться. Не мог он поручиться и за то, что верно понял чувство Коры Татл, когда мужчина, прежде так усердно за ней ухаживавший, вдруг при всех отдал предпочтение её сестре. Женщины умеют скрывать смертельную обиду. И по всему, что я успел увидеть в этой женщине, едва ли можно было заключить, что у неё на сердце спокойно, даже если на людях она оставалась невозмутимой.

Я начал путаться в лабиринте собственных догадок. Чтобы и вовсе не заблудиться, решил оставить догадки и держаться фактов.

Так прошли первые несколько дней после страшной находки в доме Муров.

VII. Хитрый ход

На следующее утро служебный долг свёл меня с моей маленькой приятельницей, о которой я уже упоминал. Странное дело, как часто служебный долг сводил меня с ней.

С виду она сама скромность, а ум у неё такой же живой, как её глаза, и это о многом говорит. За годы нашей дружбы я успел оценить её особенные способности, хотя ни разу к ним не прибегал. Теперь, чувствовал я, они могли оказаться неоценимыми.

Поздоровавшись с нею, я с простительной торопливостью изложил свою просьбу. Она, пожалуй, могла прозвучать тревожно:

— Джинни, ты можешь кое-что для меня сделать. Узнай, где мистер Мур с Уэверли-авеню покупает провизию и не запасался ли он недавно свечами. Я знаю, ты сумеешь разузнать это так, что никто ничего не заподозрит и ни тебе, ни мне не придётся объясняться.

Удивилась она с такой простодушной непосредственностью, что я сразу ободрился.

— Мистер Мур? — воскликнула она. — Дядя той, что… что…

— Он самый, — ответил я и стал ждать вопросов, ничего не объясняя.

Она взглянула на меня — ах, каким взглядом! Сыщика он обнадёжил, а влюблённого обрадовал. Потом Джинни кивнула — раз с сомнением, другой с вопросом, а в третий уже с открытым весёлым согласием — и умчалась.

Я поблагодарил Провидение за такую выдержанную маленькую помощницу и пошёл своей дорогой, весьма довольный собой.

Через час я снова её встретил. Просто удивительно, до чего часто пересекаются пути иных людей.

— Ну? — спросил я.

— Мистер Мур покупает у Симпкинса, в двух кварталах от дома. Всего неделю назад он брал там свечи.

Я улыбнулся ей в награду, и тут у неё на щеках показались эти невыносимые ямочки.

— Тогда и ты пока покупай у Симпкинса, — предложил я. По лукавому взгляду Джинни я понял, что объяснять ничего не придётся.

С этой минуты я ещё больше поверил и в способности моей приятельницы, и в то, что мы взяли верный след. Оставалось решить один главный вопрос, без которого дальше идти было нельзя. Не Мур ли оставил следы в пыли на каминной полке юго-западной спальни? Ведь это он недавно запасся свечами, хотя в доме у него, похоже, всюду был газ.

Уловка, с помощью которой я, несмотря на все препятствия, в конце концов получил недвусмысленный ответ, далась мне после долгих раздумий. Возможно, я излишне ею гордился. Возможно, мне с самого начала стоило меньше себе доверять. Но в ту пору я был порядочный себялюбец и склонен был ценить всякую удачную мысль куда выше её настоящей цены, лишь бы она принадлежала мне.

Цель была такая: получить точный отпечаток кончиков пальцев Мура так, чтобы он об этом не узнал.

Задача была трудная, и оттого я взялся за неё ещё усерднее.

Я признался лейтенанту нашего участка, что таинственный дом, с которым мне пришлось познакомиться при таких трагических обстоятельствах, живо меня интересует, и попросил его об одолжении: пусть он устроит так, чтобы я провёл там ещё одну ночь.

Просьба его явно удивила. Сам он, надо полагать, особого желания ночевать там не испытывал. Но он видел, что я отчего-то дорожу этой сомнительной привилегией, хотя едва ли догадывался почему. Как я уже говорил, он относился ко мне благосклонно и так удачно похлопотал, что в ту же ночь меня официально назначили помогать в охране дома.

Кажется, именно тогда я впервые поверил в успех, который предстояло заслужить ценой стольких неудач и кое-каких неприятностей.

В сумерках, собираясь войти в старый дом, я мельком взглянул через улицу. Заметил ли меня человек, чью тайну, если она у него была, я рассчитывал выведать? Передо мной предстало неожиданное зрелище. На тротуаре передо мной остановился красивый пожилой господин, одетый до того модно и к лицу, что я бы его не узнал, если бы в ту же минуту не заметил Раджа. Пёс упрямо припал к краю противоположного тротуара, явно намереваясь дальше не идти. Хозяин — а стоявший передо мной щёголь был не кто иной, как недавнее посмешище всех мальчишек от Капитолия до здания Казначейства, — напрасно подзывал его знаками и приказами. Ничто не могло заставить мастифа сдвинуться с той стороны улицы, где он чувствовал себя в безопасности.

Мистера Мура до того окрыляла перспектива несметного богатства, что он во многих отношениях поразительно отличался от бедняка, чья причудливая одежда и нелюдимые повадки смешили половину города. Признаюсь, меня и позабавил, и слегка привёл в трепет снисходительный поклон, каким он ответил на мой небрежный кивок, и приветливый тон, каким он заметил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.